

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

SEPTEMBRE 1936.

LES COSAQUES LIBRES

IX Année

СЕНТЯБРЬ 1936 г.

205-206

ВЕРЕСЕНЬ 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

Ж. Тарон

Содержание:

1. И. К. Скубани: Сон.
2. Владимир Куртин: Никанор Петрович Гур.
3. Константин Поляков: Поэту Украины.
4. Николай Лапкин: *.
5. Вадим Измайлов: Отчего?
6. Очередное.
7. Н. С. Рябовол.
8. Чужинец: Победа Империи над Пугачевым и Казачеством и расправа с янскими казаками.
9. А. Ленивов: Слободское казачье войско.
10. Захар Кобазев: Восстание казаков станицы Чамлыкской в первой половине мая 1918 г.
11. Еф. Якименко: Что вспомнилось.
12. «Оппозиционерам».
13. Думы и мысли.
14. Казачья эмиграция.
15. Хроника международных событий.
16. У наших соседей.
17. Страничка прошлого.
18. В Родных Краях.

Почтовый ящик:

- Прага, К. П. — Ответ послан. Привет.
Каркассон, И. Г. — Получено. Большое спасибо. Привет.
Бельгия, В. М. — Письмо получено. Ответ будет письмом. Привет.
Белград, Н. Б. — Ответ — письмом. Привет.
Швеция, А. Т. — Получено и переслано. Привет.
- Сенс, А. К. — Будем ждать. Привет.
Коломбье, Н. В. — Получено. Спасибо. Привет.
Кузмин, И. А. — Посылается. Привет.
Галац, А. Б. — Получено. Привет.
София, И. М. — Ответ послан. Привет.
Луцк, Ф. Ш. — «К.В.» получена. Привет.

ВНИМАНИЕ

ВВИДУ ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПЕРЕМЕНЫ АДРЕСА РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВК», НАСТОЯЩИМ ВСЕ В. КАЗАКИ ПРЕДУПРЕЖДАЮТСЯ — НЕ ПИСАТЬ ПОСЛЕ 1-го ОКТЯБРЯ НИКАКИХ ПИСЕМ И НЕ ПОСЫЛАТЬ НИКАКОЙ ИНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В РЕДАКЦИЮ «ВК» ДО ПОЛУЧЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА ЖУРНАЛА С НОВЫМ АДРЕСОМ.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.
НЕПРИНЯТЫЕ К НАПЕЧАТАНИЮ РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

ЧАСТЬ III.

(ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1919).

ВЫШЛА ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ.

ЦЕНА: во Франции — 15 франков, в Чехословакии — 25 кр., в Югославии 50 динар, в Болгарии — 100 лева, в Румынии — 100 лей, в Германии — 3 марки, в Польше — 5 злотых. В других странах — 1 америк. дол лар.

Каждый вольный казак должен иметь при себе эту книгу.

Братья казаки, дружной покупкой III части помогите выпустить следующую — IV часть.

ВК в Румынии

ПО ВК ОКРУГУ

Вольные казаки!

1. Приближается день древнейшего всеказачьего праздника — Покрова Пресвятыя Богородицы 14 октября (1 октября по ст. ст.). Этот знаменательный религиозный день с особой торжественностью чтити наши предки в старину. В этот день собирались казачьи Круги и Рада. На наших старинных казачьих знаменах образ Покрова Пресвятыя Богородицы был символом небесного покровительства казачьего народа от «неверных и басурман», покушавшихся на его Волю и Независимость...

Предлагаю всем в. к. организациям отметить праздник Покрова богослужением и поминанием казачьих националистов, жизнь свою отдавших за независимость Казачества.

2. Ввиду отъезда на работу в отдаленную провинцию хуторского атамана хутора района Рахова ст. Т. **Валуйска** — назначаю исполнять должность атамана хутора ст. **Ф. С. Косова**.

3. Согласно приговора в. к. имени атамана Назарова хутора в Галаце от I-X-1936 г. ном. 3 — утверждаю вновь переизбранное старое правление в следующем составе: хут. атаманом **И. Е. Сметанкин**, помощник и казначей **И. К. Щегольков**.

Приговор посылаю Походному Атаману ВК, с дататайством поместить в журнале «ВК» для сведения. Слава Казачеству!

Окружной атаман **С. Маргушин**.
Окружной писарь **В. Дремачев**.

ВК в Польше

ПО ВК ОКРУГУ

Зачисляю в Округ: 1. ВК станицу в Острове Мазовецком.

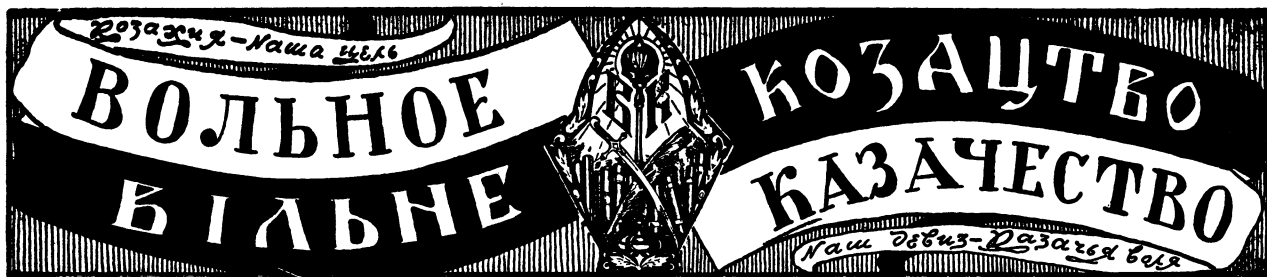
2. ВВД есаула Петра Родина и ВВД есаула Ивана Никулина (ст. Морозовской).

Приветствую новых членов Округа и желаю им успеха в нашей общей работе на пользу и благо всего Казачества.

Напоминаю вольным казакам Округа, что древний всеказачий праздник Покрова Пресвятыя Богородицы приходится в этом году на среду 14-го октября. Этот праздник там, где это будет возможно, необходимо ВК организациям отметить особыми молебствиями Заступнице и Покровительнице о даровании Казачеству успеха в его борьбе за свое национальное освобождение.

Окружной атаман: **инж. Ф. Штовхань**.

14 сентября 1936.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 205 - 206.

Сентябрь 1936. — Вересень 1936.

№ 205 - 206.

И. К. СКУБАНИ.

С О Н

Мне снилось, будто я был молод и здоров
И по степи гулял чудесным утром майским,
Вокруг меня пестрел ковер живых цветов,
Вдали шумел камыш над берегом Кубанским.

Дорогой полевой, на старенькой арбе,
Заспавшийся казак проехал из станицы.
И слышно чмоканье и окрик: «Цоб!...Цабе!».
И недовольное ворчанье возницы.

На ней ковыль седой и каждый куст мне мил...
Я землю-матушку ласкал любимым взглядом...
Но, то был только сон!... Он грезы разбудил,
И в жизнь мою дохнул забытою отрадой.

Я слышал, ветерок слова донес ко мне, —
Как страстно кто-то пел на степовом раздолье
О рыцарских делах, о славной старине,
О пламенной любви и о счастливой доле.

Какая благодать, — восторг не передам!...
Я видел солнышко, что ярким светом слепит,
И жадно - жадно пил, как жизненный бальзам,
Пьянящий аромат моей родимой степи.

ВЛАДИМИР КУРТИН.

Никанор Петрович Гур

(Окончание).

Селим, видимо, поправился. Стал разговорчивее и сам выходил на солнышко. Гур таки вылечил ему ноги. Жилы на ногах остались такие же, но струпы прошли и не чесались так, как прежде. Только, будто, натекать стали.

Привязался Селим к говорливому, всегда в хорошем настроении Гуру. И когда, бывало, Гур и Ибрагим уйдут с овцами на целый день — ему было скучно. Неперпеливо ждет, когда тень от горы протянется через всю котловину, а над саклей послышится знакомое блянье овец, спускающихся с пастбища. Селим тогда разводит огонь и готовит незатейливый ужин.

Из аула приезжали черкесы, родня Селимова. Привозили муки, спичек, соли. А однажды приволокли ящик галет, пол мешка рису и сахару. Под Майкопом обоз у товарищей отбили.

— Вить, вот — джигиты!.. Орлы! — Весело суетился Гур, помогая развьючивать коня.

Эти же ребята, что привезли галет, привезли и новости. Быстро, быстро тараторили они что то Селиму,

который молча, грустно кивая головой, пережевывал впальым ртом.

— Беда, Гур, — говорит он после, — казаки в Сочах большевикам сдаются.

— Чистейшая брехня! — безапелляционно отрезал Гур.

— Нет, Гур, правда. Наши никогда не говорят неправды, — вздохнул Селим.

— Дык какого же они черта к морю шли, моряки челбасские?! Тьфу!..

Гур сердито швырнул потник, заложил руки за спину и зашагал туда — сюда по котловине. Селим и двое ребят молча смотрели на него.

— Не могеть этого быть! — остановился на момент он перед Селимом. Опять зашагал. Вернулся.

— Все это атаман накуралесил.. Вить, вот говорили нам черноморские депутаты: «Не выбирайте московского аблаката.. Тьфу!.. — И опять зашагал.

Весь этот день Гур по-волчьи рыскал по поляне, разговаривая с самим собою. А вечером, еще не переступив порога сакли, закричал:

— Не могеть этого быть!.. Вить это же значит: про-

пало Казачество! Вить они нас всех поубивают!..

Селим ничего не возрадил. Сидит перед очагом, рис в котелке деревянной ложкой помешивает. Сел и Гур. Шомполом в углях поковырял.

— Дела, значит, Савельич... Как же быть?

Селим вздернул плечи:

— Опять воевать будут..

— Зна - аю я это!.. — Веско, на распев протянул Гур. Но зачем - же они сейчас здаются? Не думают же они, в самом деле, под российским лаптем жить?

Селим внимательно посмотрел в его покрасневшие от злости и досады темно - серые глаза.

— Понимаешь ли ты, кунак мой родной, какая тут катавасия? Мужик с казаками под казацкими порядками может жить и мужиком останется. А казак с мужиком под мужичьими порядками уже не может..

— Почему? — вскинул Селим голову.

— Вить вот какой ты! Да не могу же я в мужика превратиться! За то нас всех и побьют.. Понял?

— Понял, — коротко ответил Селим, помешивая в котелке.

— Погоди, дай я попробую. — Гур лизнул с ложки рис. — Давай вечерять.. Может все еще брехня одна..

Не спалось в эту ночь Никанору Петровичу. Он все время кричал, ворочался, бормотал что - то. Наконец, не выдержал. Встал. Поджег приготовленный на утро сушняк.

— Не спится, кунак? — спросил Селим.

— Блохи не дают.. Да и в голове кавардак какой-то. Тут не иначе, как подвох какой.. А что ж я буду делать?.. Вить меня в станице иногородние живьем с'едят.

— Останься тут.

— А рази сюда они не придут?

В сакле душно. Гур выпростал рубаху из - под очура, чешет спину.

— Вить вот жарко, а без огня не могу сидеть.

— Буря будет, — сел около очага и Селим.

Огонек лениво лижет короткие дурпалки. По толку качается красноватый, неправильный круг. В углях сакли сгустилась тьма. Два старика сидят один перед другим, смотрят в огонь, а его непостоянный, меняющийся свет окрашивает их морщинистые лица в фантастичные «мертвые» маски. Гур не спокоен. Не может сидеть смирно. В его руки будто сами собой втискиваются все предметы около него. Он то вертит шомполом, то развязывает и завязывает учкур, то разбирает и собирает затвор. А когда перебрал все, что было под рукой, достал дратву, завязал ее на множество узлов, потом начал развязывать..

Селим задумчив и неподвижен. Уперся локтями в колена, положил бороду на сплетенные пальцы рук и застыл.

Над саклей вдруг пронзительно крикнул филин.

— Вить вот, чертяка, — вздохнул Гур.

Жутко завyla собака.

— Буря будет, — прошептал Селим.

В сакле невыносимо тяжелая тишина. Тоскливая, тягучая, когда минуты растягиваются в вечность, когда не знаешь, куда деть себя, что делать с собой..

— Буря подходит, — прошептал опять Селим.

Гур чувствовал, как по всему его телу будто мурашки пробежали.. Яркий свет заслепил глаза и сейчас же треснул гром, в момент превративший саклю в облако пыли и сажи. Ухнуло что - то. Зашумели сосны. Отчаянно пропищала какая то ночная птица. Опять блеск и гром. Огонь в очаге робко прижался к земле. Зашумели, зарокотали, завыли в неистовой пляске ветер, вода, камни, горы.. А сверху удар за ударом бьет гром, рассыпаясь в клокочущий, захлебывающийся рев. Поверт черную толщу ночи разметающаяся молния..

Гур потихонько свернулся под буркой, а Селим, уткнувшись лбом в коврик, покрыв лицо руками, начал молиться.

Вдруг треснуло так страшно, что Гуру показалось, будто на саклю свалились все горы. Хлопнули о землю двери, а ворвавшийся ветер швырнул очагом в стену. Задрожала земля. Гур отполз в угол.

— Савельич, ползи сюда!

Но Селим не отозвался.

— Уж не прихлопнули ли его двери?

— Савельич!

Опять блеск. «Савельич» все в том же положении молится.

Гроза бесновалась всю ночь и только перед зарей перекатила к северу. Прибежал Ибрагим. Кричит что-то, ворочает глазами, показывает на двери, зовет Гура. Вышел за ним Гур. Посмотрел и крепко выругался: от сакли, где были Селимовы овцы, куча камней осталась.. А под камнями лежали обгорелые, раздавленные овцы.

— Савельич, всех овец гром убил!

— Знаю, — прошептал тот. — Все от Аллаха!

Мирно принял Селим весть о гибели овец. Только две борозды, что начавшись в углях глаз, спустились по впалым щекам в бороду, стали еще глубже.

Гур подошел к нему.

— Не горюй, кунак! У меня в станице больше двухсот овец осталось.. Выгоним красных чертей, сейчас же тебе пригону, как кунаку родному.

Улыбнулся Селим.

— Не надо мне овец.

— Да как же жить то будешь, чудак?

— Аллах поможет. К нему пойду скоро.

— Ну, это ты, брат, не дури. Старые мы с тобой хрычи, это правда, но не поддадимся сразу. Мне вот 67 годов, а еще за молодого сойду. А тебе то сколько?..

— Еще три.

— Ну так что ж? Рази это старость? У нас старость от 90 годов начинается.. А что это за галдеж там? — прислушался Гур.

Селим сказал что то, чего Гур не понял.

Вышел из сакли. Десятки огромных гологоловых орлов - стервятников кишели на развалинах сакли, вытаскивая и отнимая овечьи внутренности. Пронзительно, резко кричали. А с неба серыми камнями падали другие, втискивались в мутящуюся, галдящую массу, глубоко зарывались в трепуху, даваясь и противно екая..

Засмеялся Гур.

— Вить вот!.. И товарищи так в Романовке монопольку хакали.. Те же стервятники..

Вечером Селиму было плохо. Гур едва стащил с его распухших ног свои «темижбекские» чулки.

— Сердце у тебя, Савельич, не в порядке.

Уложил его на полсть, теплым молоком с ложки поит.

— Не завидная твоя жизнь была, Савельич. А мне вот все ничо чем. Сынов бы только найти..

— Найдешь ты.. а я? — Старик улегся на бок, лицом к огню.

— Ноги зябнут..

— Кубить я не знаю? Полстенки согрею.. так.. а теперь лежи, не рыпайся. Бог даст еще ко мне в гости приедешь.. Вот как угощу.

Тихо потрескивают взвзвизавшие углем дрова. Через открытые двери, за острозубыми скалами белеют снеговые вершины. Над ними кротко мигают звезды. Ибрагим пришел. Присел около огня, на Селима смотрит. В сакле тихо. Только Гур ручьем журчит: то одно, то другое. Не может он думать про себя. А думать есть о чем. Дум много. Только скажут они, как куций бык по просу: туда, сюда. Без толку. Но Гур этого не замечает. Голова его — точно волшебная шляпа, из которой фокусник вынимает самые разнообразные, самые неожиданные предметы. Вот сейчас только что думал - расказывал, как стервятники ловко очистили «клуню», а потом, с того ни с сего, на попа перешел.

— А есть у вас в ауле поп - хаджа - мула или как вы его там называете?

— Есть.

— Хочешь ли, Савельич, исповедаться? Сейчас Ибрагима пошлю.

Селим промолчал.

— Есть и у нас такие, которые, как только у них что заболит, сейчас же попа зовут.. А я все думаю: ни к чему это. Приехал к нам раз из Новопокровской отец Алексей преповедь говорить.. Молодой такой, красивый, ласковый.. А говорит — рублем дарит. Я то его не слышал, потому — народу набилось — не протолкнешься. А после, около правления, и говорю ему: А что мне, батюшка, будет, ежели я отродясь не исповедывался?

А он, как сейчас помню, бородку пощипывает, смеется: — Ничего, говорит, не будет. Бог и без того все знает.. Хороший был поп, казак! А вишь повесили его, нутре их в дыхалы!

— Кто? — приподнялся на локтях Селим.

— Кто? — зло переспросил Гур. — Да все те ж черти! Депутат наш по секрету рассказывал: Врангель с Покровским... вот кто! Да, кубыть, и наши которые помогали...

— Попа?

— Ну, да! Он у нас в правительстве был, а рясу не носил. В такой же черкеске, как ты и я, ходил.

— А за что? К большевикам хотел?

У Гура даже глаза позеленели от злости.

— Кабы к большевикам думал — не повесили бы.. Ка — зак был! Вот за что! Говорят, за дружбу его с черчесами... А чтобы, значит, русапетов всех к чертям послать.. Да рази ты не слышал?

Селим подумал немного.

— Слыхал, да не все... Говори, Гур... Люблю тебя слушать.

— Дык, как — же? С того и началось. Давно они уже Раду нашу спихнуть хотели. Все придрались: казаки, мол, такие — сякие, не хотят в Москву... А на какого рожна она нам нужна, Москва то? Ну и придрались... Случилось это мне в Романовском по делам быть с двумя нашими станичниками, выборными тоже. А грязь, помню, по брюхо коням была. Пообедали это мы у Аверьяныча в погребе, потом на вокзал пошли, посмотреть. Смотрим, тачанка тут наша общественная стоит. Думаем, не иначе, как наш депутат должен приехать. Вошли в первый класс, чаю себе заказали. Сидим, ложечками в стаканах мешаем. Публика смотрит. Видим, писарь отдельский, станичник наш.

— А я, грить, вас искаю.

Подошел ближе и говорит потихоньку: — Кулабухова в Екатеринодаре повесили...

— Какого? — поднялись мы все трое.

— Да Алексея Ивановича.

— А не хочешь ли, говорю ему, по морде за такие речи?

— Да ты, грить, Никанор Петрович, не кричи. Потому всюду осважные шпионы мотаются. Потихоньку говори.

— Да чего — ж это я в своей державе буду бояться? — закричал я на него, а он тебе — шмыг в публику... Сели мы опять. Да какой уж тут чай. Беду чуем... Сидим так себе, молчим. Когда слышим поезд подходит. Публика к дверям кинулась. И мы за ними. Стала машина. Видим, пробивается наш атаман, Яков Сергеевич, он у нас депутатом был. Мы к нему: — А что, правда, что нам сейчас Мишка Суворов брехал?

— А что? — говорит.

— Да про Алексея Ивановича?

А он только рот скривил. Будто заплакать хочет. — Правда, говорит, братцы... Оглянулся туды — сюды... Домой, говорит, поедем... А то тут и меня арестовать могут. На тачанку сел, а мы за ним верхами.

— Что — же теперь, говорим, будет? А он:

— Пропадем все... вот что будет.

Доехали мы до Кавказской, в правление свернули, а там полным — полно! И старики, и казаки, и бабы... Голосят... Любили покойного, царство ему небесное. Часто у них речи говорил. А с ихним депутатом ровно брат с братом жил. Окружили нашего атамана, а он и сам плачет: — Братцы, говорит, не смилуется ли Бог над казаками — пропали наши головушки...

— Да ты не спишь, Савельич?

— Нет.

— А Ибрагим то что nibудь понимает?

— Понимает, понимает, — блеснул зубами Ибрагим. — Секим башка всем большевик будет...

— То-то... смотри... Первеюшего казака повесили, сукины дети!.. А вечерить все же надо.

Гур принялся месить тесто.

— А потом, что было, Гур? — спрашивает Селим.

— Да что было? Что вышло... Вышло — дышло! — Рассматривая тесто черными колючками глазами, будто нехотя ответил Гур.

С кем воевать было казаку: с большевиками иль с кадетами? — Ударил тестом о деревянную миску.

— Как же ты воевать будешь. (Поднял ком теста), когда в самом Екатеринодаре первеюшего нашего человека повесить могут? (Шлепнул тестом о миску). А теперь, вишь, на море казаков заманули... Хорошие гатушки будут, — растягивая тесто, закончил Гур.

Ночью, когда огонь в очаге давно уже погас, а сильный туман воровски обнюхивал саклю, Гур вдруг закричал:

— Брехня!...

— Что? — удивился Селим.

— Да вот, что все казаки сдаются!...

Селим только тяжело вздохнул:

— Спи, Гур....

Из аула еще пастухи пришли, пригнали овец. По вечерам теперь уже дымилось в каждой сакле. Звонко отзванивали голоса перекликающихся пастухов, меланхолически насвистывала зурна. Блеяли овцы. Неприхотливая пастушья жизнь текла своим чередом.

Гур свойски ухаживал за больным Селимом, рассказывая ему по ночам о всякой всячине. Но больше о том, как они, Темижбекцы с Кавказцами, восстание против большевиков поднимали. Как после вышибли большевиков за Кубань, к Армавиру. В этих боях и событиях он сам принимал непосредственное участие. Был, в числе других стариков, их инициатором и организатором и потому, знал их по минутам, со всеми, даже и незначительными, деталями. Но о всей сложной, гигантской борьбе Казачества с большевистской Россией имел весьма смутное, а часто и не верное представление. Сам большевизм ничего нового в его отношении к русским не внес. Большевик, меньшевик, кадет или просто иногородний его станицы — для него были одинаково равны, одинаково неприятели. Он видал, что добровольцы вместе с казаками против большевиков, но объяснял это просто тем, что они — добровольцы — «паны и помещики». И был убежден, что они — паны и помещики — бьются только за свое панство и за свою землю. И толь ко до тех пор, пока опять завладеют и тем и другим. А он сам, Никанор Петрович Гур, казак станицы Темижбекской, у которого под боком лучшая земля была собственностью «таврчан», зубами перегрыз бы глотку каждому, кто бы сказал ему, что эта земля, в которую ничком уткнулись седые казацьи бороды, которая орошена невинной кровью их малолетних внуков, будет опять «таврчанская».

Уходили казаки на фронт и возвращались ранеными с фронта. Голосили по станице за убитыми, собирали для войска хлеб, сено, коней, скот, холст... взамен за «квитки». Рассказывали казаки о победах и поражениях, о наступлениях и отступлениях... — Все это он понимал ясно, определенное: война. Даже когда вынужден был оставить свою родную станицу, дом, имущество и отступить за Кубань, — понимал: война. Когда бесконечными колоннами потянулись к горам донцы, кубанцы, калмыки, а за ними и перед ними шли обозы с женщинами, детьми, стариками и домашней рухлядью, и тогда Гур не подозревал еще трагического конца. И тогда да еще было все ясно: соберемся в горах (или «там»), згарнизуемся и опять «вдарим». Опять погоним... Не особенно жалел он и свою станицу, и свое, оставленное на разгром иногородним, имущество. Не мучило его и то, что остался сам, без сыновей, без станичников. В горах, у случайного горца, чувствовал себя гостем, пока там сыны «згарнизуются»... А потом вернется и все поправится. Но когда он услышал, что вся армия сдается — этого он понять уже не мог. Эта весть вышибла у него ту твердую подпору, на которой и при наличии которой все эти отступления, бедствия и поражения — лишь случайные, поправимые явления. — Теперь было не то... Теперь... теперь было... Было Гуру так, что схватился бы за голову, завыл волком и закружился по горам, пока не свалился бы в какую пропасть...

Каждое утро, убрав саклю и накормив Селима, Гур с винтовкою и всеми патронами уходил в горы. Забирался на какой nibудь шпиль, с которого, через лесистые вершины, видно было вплоть до тонкой, мгlistой линии правого берега Кубани, видна была долина, по которой отступала казачья армия, и часами, не двигаясь с места, прислушивался: не загремят ли пушки, не защелкают ли меткие выстрелы, не разольется ли по кав-

казским трущобам лихая казачья песня, не замелькают ли красные башлыки и белые кубанки его родных Темнибекцев.. Но все быхо тихо... И когда вечером, усталый, голодный подсаживался он к огню, безнадежно малхал рукой на немой, участливый вопрос Селима.

— Вить это ни на что не пожеже!

Но все проходит на этом свете. Прошли и долгие, тяжелые дни бесплодного ожидания, когда Гур, едва волоча ноги, возвращался к Селиму с привычным уже отрицательным ответом.

Однажды, когда Гур, сидя под накривленной буреи сосною, бездумно переводил взор с одной вершины на другую, услышал далекие, едва уловимые раскаты. Гудит глухо, тупо, точно далеко — далеко, по ту сторону горизонта, собирается гроза...

Но Гур знал, что это не гроза. Знал, что там, где-то в котловинах и долинах идет бой..

— Наши пришли! — крикнул Гур и камнем покатылся вниз.. Сердце готово выскочить. В глазах радуги пляшут.. Не замечает, что плачет. Не видит, как одна за другой крупными, росными каплями падают с бороды слезы.. Вломился в саклю.

— Савельич, наши! (Бросил патроны). Наши! (Винтовку в руках держит). Да ты что? Аль помер? — Наклонился...

Острая Селимова борода торчит вверх. Глаза закрыты. Руки на груди в широких рукавах черкески..

Выростал Гур руки — теплые еще. Дунул в лицо.

— Савельич, слышишь, наши пришли!..

Прошептал что то Селим ввалившимся ртом, но глаз не открыл.

— Кончается, — заключил Гур. — Отходную сам себе читает.. Наклонился к самому рту.

— Прости мне, братец, ежели што..

Тонкие, пожелтевшие пальцы Селима задвигались, будто ищут что то. Гур потихоньку взял их в свою руку и почувствовал, как пальцы едва ощутимо стискивают ему руку...

— Прости, братец, — заплакал Гур. — А как тебя положить то: на восход, аль на запад.. Ты чуть пальцем покажи..

Селим опять что то прошептал, но опять на своем языке.

— Ну да все равно: хуть так, хуть так..

Всхлипывает Гур: в раю будешь. Беспременно. Пришедь ты там, к Аллаху или Мухамеду, а они и скажут: иди ты, Савельич, ровно в рай, потому сызмальства мучился..

В саклю вошли черкесы. Шепчутся, на Гура поглядывают.

— Должно родня, — подумал Гур и вышел из сакли. — Чего ж им мешать: у всякого свои порядки..

Отыскал Ибрагима: — Иди с дедом протись.. Я овец стеречь буду.

Ходит Гур за овцами, а сам все на северо-восточную сторону поглядывает, да прислушивается.

— Гудет... где бы это могло быть? Под Майкопом, али под Армавиром? Должно быть.. Вить, вот говорил я, что все это брехня? А Селим (Гур первый раз назвал его настоящим именем) готов.. Не сладкая его была жизнь: ни на земле, ни на небе.. Просом только и довольствовался.. А все это большевики тогдашние наделали.. А нам то с ним делить было нечего.

От гор поползли тени. Потом солнце неожиданно свалилось за снеговые громады. Козы, общипывая кустарник, плутовски поглядывали на нового чабана, как бы спрашивая: — Когда ж ты нас поведешь домой?

Овцы, раскорячив задние ноги, уже не паслись, а без толку бегали с места на место, обнюхивали траву и чхали..

Когда Гур вернулся, Селима в сакле уже не было. Не было и его бедного имущества. Чужим, ненужным, почувствовал себя Гур в пустой сакле, где сиротливо лежали его сумы и винтовка. Достал из сум спички, поджег лучину.. На крыше заголосил сыч. Вышел Гур, запустил в него камнем:

— Ить, проклятый, и без тебя в печенках скребет!

Сыч перелетел на сосну и опять начал свое противное, зловещее:

Тук!.. Тук!..

Досада взяла Гура.

— Погоди ты, чорт лупоглазый! — Снял винтовку, прицелился и выстрелил. Заахало эхо, разбившись на сотни ночных подголосков, — стихло..

Опять хлестнул тонкий, тоскливый крик:

Чууук!..

Плюнул Гур, хлопнул дверьми и затворился:

— Чует мертвеца, проклятый.

Сел. Расшнуровал сумы. Пересчитал «романовки». Осмотрел вещи. Опять все сложил. Посмотрел по сакле. Подсунул руку под шапку, долго почесывал плешь.

Огонь, будто пришибленный пес, противно заискивающе лижет кирпичи очага. По потолку снуют пугливые тени.

Гур неспокоен. Место, на котором лежал Селим, кажется черной, глубокой могилой, в которую его толкает сыч своим выворочивающим душу, тошным:

Ту-ут!.. Ту-ут!..

Поднялся. На пальцах обошел «могилу». Потихонько отодвинул задвижку и выскочил..

В ноги уткнулся Селимов пес и жутко завыл:

— Что, нету Селима?... — погладил Гур пса и пошел к пастухам: — Пересплю у них эту ночь..

Похоронили Селима. Черкесы начали косить траву. Рассказывали, что армия сдалась большевикам на побережье, но что много казаков скрылось в горах и с генералом Фостиковым повели опять наступление. Вот ихний то бой с большевиками и слышал Гур. Рассказов было много, но всяк рассказывал по своему. Гур не знал что делать. Идти к Фостикову самому не решался. Да и не знал, куда идти, как идти. А распришивать о таких вещах по пути опасно. Как раз напорешься на такого, что, вместо отряда Фостикова, — в чеку направит.

Днем за овцами ходил. Чирики ребятам шил. По вечерам у них в «кунайской» сидел. Баранину ел. Только ребята, как ребята. Одним словом — молодежь. «Гы-гы», да «га-га».. И подтрунивают еще. А Гур этого не любил. Сердился.

— Вить вот, черти гололобые! Я им дело, а они все зубы скалят.. хахары..

Скучно было Гуру без Селима. Придет в саклю, посидит — посидит, и опять выйдет. Сядет около сакли на обрубок. К нему сейчас же Алай, пес Селимов, придет. Уляжется около ног.

— Что, скучаешь, Алай? — спрашивает Гур, глядя на его кудластую голову. — Вот и мне скучно, а что ж поделаешь? Хоть круть — верть, хоть верть — круть.. Кругом шестнадцать.. Сынов бы только найти.. Ну, да ничего: вот соберутся наши.. Хвостиков — то им уж наступил на хвост.. Погоди, и до головы доберется..

И так рассказывает Гур псу Алаю все, что думает. Привязался к нему пес. Куда бы Гур не шел — Алай с ним.

— И на Кубань со мной пойдешь.. Пойдешь, Алай? Алай умиляется, лижет Гуру руки, а то и самую бороду.

На севере, по долинам рек, по Кубани и Дону, по всем станицам и хуторам Казачьей Степи — остатками своей крови расплачивались казаки за ошибки и преступления свои и своей старшины. Громыхали «теплушки», развоза по Сибирским тундрам несчастных казаков и «рядовых» офицеров, которым не объяснили истинный смысл борьбы, но кровь которых не жалел тоже никто. Текла казачья кровь в погребах русских чревоукаек. Кровавый московский террор ужасом бесславной смерти и дьявольских пыток опустошил гордые станицы, на чьи дымящиеся развалины уже оседало спесивое, нахальное воронье — русские «хамсалы»..

Бились еще кое — где не за жизнь, а за более дорогую смерть, кучки «бандитов», по русско — советской терминологии. Мучеников, героев национального возрождения, — по терминологии вольно — казачьей..

Отголоски этой трагедии доносились и в горы. Но черкесы, наружно введя у себя «советский» строй, крепко стояли за основные принципы своей нации: На своем — только свой.. Все же, значительно смягчили тем жестокие репрессии победивших над побежденными. Да и не мог красный спрут так сразу охватить своими щупальцами их заоблачные гнезда. Много бахвално — подлых «карательных» отрядов исчезли в трущобах и

ущелья виды выдавшего Кавказа, где за «карательными» отрядами охотились шайки мстителей — казаков и горцев...

Не раз за это лето встречал Гур «гордых» глашатаев совершеннейшего в мире рабства в совсем не гордом положении вонючего хора в капкане.

Гур привык к горам, привык к черкесам. Как буд-то и родился в горах. И вырос и постарел среди горцев. И твердо верил, что казаки опять выгонят с Кубани красную сволочь, как выгнали ее в 1918 году. Вернется тогда Гур в свою станицу и скажет на своем станичном сборе:

— Господа старики, братья выборные! Давайте нашим депутатам в Раде наказ дадим, чтобы первеншей их обязанностью было горцам — черкесам помочь. Поэтому, уж больно ихняя жизнь в горах чижеляя... А как присмотрелся я к ним — никакой разницы с нами, окромя Мухамеда, и нету... Такие же вольные казаки — джигиты, как и мы, и так же, как и мы, с загребушей Россией бьются!»...

Слушают Гура пастухи и хоть и понимают через пень колоду, но догадываются, одобряют:

— Якши, байбак!... Карш казак! Урус, большевик, — яман. В Россию к зорту пошел!

— Вить вот как заживем! — Смеется и сам Гур.

Покосили черкесы «хлеба». Намолотили по 2-3 мешка; а то и того меньше. В огородах копаются. О «армии возрождения» (Фостикова) говорили, что и она к морю ушла.

Однажды Гур работал на Селимовом огороде, у реки. Пovyдергал фасоль, снес все в одну кучу под яблоню и начал его в руках обминать. Сидит, мнет, зерна в сумку бросает и, по своей привычке, сам с собой разговаривает. Солнце уже с западной стороны в противоположную от Гура гору бьет. Собрал Гур необмятый фасоль, ветками его покрыл, сумку завязывает и уже хотел было встать, чтобы до ночи домой добратсья, как вдруг Алай зарычал, уши наострил на другой берег речки. Подтянул Гур винтовку.

— Ну, ну, Алай... Аль бирюка нанюхал? — Тихо говорит Алаю и затвор повернул.

Алай с громким лаем к речке бросился. Гавкает, скребет ногами землю.

— Кто бы это? — думает Гур, прилегши из-за яблони.

Речка не широкая, в два три скачка перейти можно, но быстрая и нужно знать, где ее перейти, а все же... А все же около речки густой орешник, а за ним лес.

Алай будто взбесился. Захлебывается от злости.

— Дедушка!... — слышит вдруг Гур из орешника...

— Кто ты — черек или казак? — Похолодело у Гура сердце. — Кто ты? — закричал.

— Офицер, казак!...

— А ну выйди на берег, я кобеля придержу!

Из хмеречи выдралась тонкая фигура.. Гур и не хотел, а рассмеялся:

— Вить вот... хорош! Цыц! — Крикнул он на Алая, который, увидав «офицера», залился пуще прежнего.

— Тут ниже по камням перейти можно!...

Офицер, опираясь палкой о дно, перешел через реку.

— Пса держи!

— Да уж не бойся...

Чудом чудится Гур, глядя на «офицера». На голове у него скомканый картуз; впереди, до колен, кусок дырявой бурки; сзади, на спине, овчина. На ногах тряпки, проволокой обмотаны... Молодой, видать, но борода, как нечесанная куделя, торчит во все стороны...

— Дедушка, я — хорунжий Ченцов... Бекешевский...

— Да чево ж ты такой? — кивнул на его одеяние Гур и опять засмеялся. — И смех, и грех...

— Про Робинзона слышал? — улыбнулся невольно и хорунжий.

— Это, што наказным атаманом был (1)? — Уже без смеха, насторожившись, переспросил Гур.

— Нет, дедушка, другой... Но если не слышал, то и

не надо.. Есть у тебя чтонибудь поесть? Ужасно голоден.. Здесь не опасно?...

Сел на сумку с фасолью, «буркой» покрыл клочки кальсон, что торчали через истертые кожаные штаны.

— Да и лихорадка меня измучила...

Гур достал сыр, кусок хлеба...

— На, ешь!

Хорунжий, чисто по зверинному, начал рвать зубами твердый сыр и хлеб. В черных, воспаленных глазах видна была такая усталость и такая затравленность, что у Гура что то екнуло в нутру...

— Да как же это ты так, родимый?

— Не спрашивай, дедушка... Да угомони ты этого проклятого пса! Не могу больше! — застонал хорунжий. — Можешь меня приютить, дедушка, пока лихорадка пройдет?

— Да куда уж ты... пойдем со мною.. уж как ни будь, — бормотал совершенно озадаченный Гур.

Хорунжий едва тащился за Гуrom. Да и Гур не спешил. Хотел придти так, чтобы не встретиться с пастухами. Его то они знают и ни за что на свете не выдали бы, потому — Селимов кунак.. А кто знает, как на офицера посмотрят!...

Уже поздно ночью добрались они до сакли и, не разводя огня и не раздевшись, легли спать...

— Дедушка, тут не опасно? — вскочил рано проснувшийся хорунжий.

— Да кто ж его знает, — почесывал Гур под шапкой лысину, который делает это всегда, когда не знал, как поступить в том или ином случае. — Ребята тут хорошие..., а вот внизу аул... там то и я еще не был. Приезжают оттуда.. Ну, да поживем, увидим... Молочка вот выпей!... Главное, чтобы кобель на тебя опять не загавкал.. Да и как утерпеть!... И сам бы загавкал!... Вишь, ты какой!...

— Хуже Робинзона жил, станичник.

— Да что ты все про Робинзона талдычешь, а откелева ты, не говоришь...

— Да что говоришь — то! Плохо, дедушка...

— Погоди, — перебил его Гур. — Я вот посмотрю: все ли с худобой управились? Кубить никого нету..

— Видишь ты, дедушка, я к морю хочу пробратсья..

— И ты в моряки хочешь? — кольнул Гур в бороду.

— Что ж делать? В горах долго не проживешь, а в станицу нельзя, всюду красные.

— А Хвостиков?... Вить, вот говорят...

Хорунжий, сморщившись, отмахнулся...

— Ничего у него не выйдет.

— Как так? — подозрительно покосился Гур.

— Да так: голыми руками красных уже не возьмешь. И Фостиков к морю отступил... Эх, дедушка, не видал ты, как в Сочи было... — Хорунжий начал разматывать с ног проволоку. — Ноги затекли...

— Значит, правда? — насупилс Гур.

— Что! — Удивился хорунжий.

— Да вот про сладчу..

— Да я то сам откуда убежал? — рассматривая грязные ноги с синими рубцами, спрашивает хорунжий. — Ведь я то уже с поезда около Усть — Лабинской убежал!

— А моих ты там не видал? — быстро, быстро зашамкал Гур бороною...

— Кого?

— Петра и Стешку... Гуровых, Темижбекской станицы...

— В каком полку были?

— В первом Партизанском...

— Погрузились эти... В Крыму теперь.

У Гура засветились глаза, точно два стеклышка, на которые пал солнечный луч.

— Вить вот орлы! Крым и рым пройдут, а не сладутся... — А ты, — строго посмотрел в глаза хорунжему, — ты тоже туда думки имеешь?

— Да.

— Пойду и я с тобой! Чево ж я тут буду барсуком сидеть? С'еденюсь с сынами и опять вдарим! Вдарим, ваше благородие, а?..

1) Филиппсон.

не почувствовал, что черкесы, как будто, приноживают, и решил не скрываться. Потому — обидчивые они, черкесы то...

— Вить вот чудеса какие, ребята, — говорит он вечером пастухам, помогая им разбирать овец. — Родня ко мне приехала! Эй, Мишка, иди сюда, покажись ребятам.

Ожидавший этого хорунжий вышел. На нем была Гурова черкеска и шапка. Поздоровались.

— Большая родня? — не то серьезно, не то скрытой насмешкой спрашивает один.

— А как же! Моя бабушка и его бабушка были двоюродные сестры, — таким же тоном ответил Гур.

— О, это большой гость! — засмеялся черкес. И все смеются. Догадались или нет — черт же их разберет.

— Ты только вот от своей лихоманки освободись, — говорит Гур хорунжему в сакле, — а я уж все приготавливаю...

Пять дней прошло в приготовлениях. Хорунжий заметно поправился.

— А дорогу то знаешь? — спрашивает его Гур, увидав, что хорунжий рассматривает какую то потрепанную карту.

— По дороге то как раз до чрезвычайки дойдем, — отвечает хорунжий.

— Знаю я это, потому и спрашиваю...

В один звездный, безлунный вечер, когда пастухи сбились в сакле, рассказывая о чудесах и страшных тайнах седого Кавказа, Гур и хорунжий вышли из саклы, осторожно прошли котловину и скрылись в ущелье.

Свирепый нордост, мстящий побережью за свое летнее безделье, вскружил Геленджикский залив. Хлодной грудью падал он на беспокойные волны, взметал их вверх и, закружив водяною пылью, белыми, свистящими призраками мчал к воротам. А с моря широкими взмахами, точно тараном, били в «ворота» косматые волны. Сшибались с вихрями, зарывались пенящимися бурунами, оттягивались, и всей своей тяжестью обрушивались на берег Тонкого мыса...

Из — под пребрежных кустов Северной Ротонды выскользнула маленькая «душегубка». Черным горбом дельфина мелькнула на узкой, колеблющейся полосе света и, подхваченная сильным ветром, невидимая в серой мгле крутящихся водных призраков, понеслась к воротам, в открытое море. Не доходя до Толстого мыса, душегубка ткнулась в небольшую турецкую фелюгу и в тот же момент на фелюгу вскарабкались две черные тени...

Взметнулся парус. Фелюга, повернулась к морю, накренилась; потом, скользя надутым парусом по гребням волн, вся в брызгах и пене, вынеслась из кипящих ворот в открытое море...

— Вить вот ловкость какую Абдул имеет! — кричит Гур на ухо хорунжему. — Все романовки дам, когда в Крым придем!...

— Хорошие моряки турки, — подтвердил хорунжий.

На корме, вцепившись левой рукой в румпел, а правой отпуская и подтягивая шкот, сгорбилась Абдул, хватая парусом ветер так, чтобы фелюгу как можно дальше отнесло в море. Гур и хорунжий легли под повым, высоко задравшимся бортом, стяхиваясь и втягивая головы в плечи каждый раз, когда вал, разбившись о фелюгу, обдаст их холодными брызгами.

— Ловко, а? — опять кричит Гур.

— Хороший моряк...

— Да я не про Абдула говорю!... Как я того «патрульного» около Ротонды саданул?! А ты уже было зас...л...

Тяжелый вал опрокинулся на палубу и, шипя, разлился под левый борт, стекая сквозь дыры в море.

— Ну и гадкая же!... Вить вот наглоталя!... — Отплывається Гур.

... — Выпитился он передо мною, чевои то закрывать хотел, а я ка-ак дам ему ногой под ложечку! А он: «гы-ык!» и растянулся...

Хорунжий что то сказал, но Гур не расслышал, да особенно и не прислушивался. Он сам для себя думал о

только что случившемся около «Северной Ротонды»...

— Ты уже опосля подбежал... Так я, когда помолже был, на кулачках делал: вижу, что не собью кулаком, так я ногой под ложечку! Иной покрутится немного, а который — сразу шлепнется...

На востоке забелели горы. В открытом море ветер был тише и ровнее, но волны еще выше. Фелюга на момент задерживалась на гребнях волн, круто скользила вниз, быстро взбиралась вверх, опять падала, опять взбиралась, рассекая и отваливая на обе стороны синее, пенящееся бурунами море.

Гур почувствовал, что какая то тоска разлилась по его натуре, мзеей подтянулась к самому горлу, чем то горьким подсунулась под язык... Потом крепко стиснутые челюсти его ослабели, а потом полетели из утробы горькие, противные желваки. Раскарячившись, с поднятыми, как у гончей собаки, животом, рыгал Гур горькими шматками своей утробы, испуская какие то рывчатые — хрюкающие звуки... Так же вдруг загикал и хорунжий...

Старый Абдул, не обращая на них никакого внимания, привычной рукой вел свою фелюгу на север — запад, подсчитывая в уме, сколько кукурузы и ячменя купит он в Феодосии за те 10 романовских пятисотрублевков, что получил от Гура за перевозку их от Геленджика до Феодосии.

Далеко обогнув Утришский массив, Абдул повернул фелюгу влево. Сзади, в корму дул свежий утренник. Фелюга, оставляя за собой струящийся след, птицей неслась к западу, где уже белым, ровным облаком показывалась Ялта.

Над морем кружились чайки. Одни с резким криком: «кве-йок!» реяли над самими волнами; другие, с глухим вороньем: «ква-ак!... Ква-ак!» падали на воду; третьи высоко бороздили утренний воздух и пронзительно кричали: «Кипок-ло!. Кипок-ло!». Перелет носом фелюги резвились дельфины, с шумом рассекая воду, блестя лоснящимися спинами.

Гур спал на палубе, точно старый сом, покрытый зеленой слизью и проснулся только тогда, когда фелюга протискивалась между такими же фелюгами, набившимися в Феодосийскую пристань. На пристани толпились казаки.

— Здорово, станичники! — закричал Гур и проследил за...

Станичники как то вяло, даже, как показалось Гур, недружелюбно посмотрели на фелюгу, больше интересуясь маневрами Абдула, чем им, Никанором Петровичем Гуром, казаком станицы Темнижбекской.

— Чево это они такие малахольные? — обратился он к хорунжему. Тот вздернул плечами.

— И мне так кажется...

В это время Абдул, отталкиваясь руками от других фелюг и лодок, подтянул свою к пристани.

Гур с сумами в одной и винтовкой в другой руке первым стал на каменные плиты пристани, которые, как ему показалось, шатались так же, как и палуба фелюги. Вынул из пазухи 4 романовских сторублевки и сунул их в руку Абдулу.

— На магарич, с благополучным прибытием...

— Ну, здорово, станичники! — подошел он к группе казаков, окруживших одного — не то казака, не то какого чиновника, не то генерала, ловившего рыбу.

— Здорово! — ответили те, внимательно следя за лесой.

Молчание.

— Вот, значит, и я приехал, — нерешительно протянул Гур, тоже смотря на лесу.

— Тебя тут только и не было, — дергая лесу и не глядя на Гура, ответил рыбак.

Этот ответ дернул Гура за живое, но он сделал вид, что не понял насмешки. Помолчал немного. Потом, обращаясь ко всем и в то же время ни к кому, опять спросил:

— А в какую бы мне часть привиться?

— Иди в песочную... там таких требуют, — ответил рыбак, под насмешливые улыбки казаков.

Гур вспыхнул.

— А не желаешь ли ты по мусалам получить? — Поднес он к его носу свой сухой, костистый кулак.

Казаки грохнули от смеха, разом оставили рыбака. Обступили Гура.

— Вить вот, гребі его мать! — пыхтит Гур. Сквозь наскрозь горы прошел. Все море переплыл... А он? Я тебя самого в песок здроблю! закричал он грсмче и ринулся к рыбаке.

Казаки задержали. Смеются.

— Полковник, — говорят, — полковник..

— Чего - ж он тут серушку ловит, а не полком командует! — не унимается Гур.

«Полковник», сердито шевеля своими усами, начал сматывать лесу.

Казаки, а тут были и старые, и молодые, смеясь и подталкивая друг друга, забросали Гура вопросами...

— Да вы меня пержде в свою часть отведите, там все расскажу.

Вернулся хорунжий от коменданта:

— Никанор Петрович, в резервный батальон пойдём..

В резервно - батальонной канцелярии, среди ворохов исписанной и разграфленной бумаги, за столом, заваленным бумагами, сидел маленький генерал в серой черкеске, серой шапке и, смотря из - под очков, подписывал исписанные и разграфленные бумаги.

— Ваше Превосходительство! — доложил хорунжий о своем с Гуrom прибытии.

Генерал мотнул головой, отчего очки сами собой усели на самый кончик носа.

— Андрей Иванович? Да вить это ты? — радостно закричал Гур. — Вить вот где пришлось встретиться?..

Генерал пыхнул два три раза в подстриженные, твердые усы, поморгал глазами.

— Гур?

— Так точно... Темижбекский!..

Генерал шустро вышел из-за стола. Поцеловались. Но, глянув на хорунжего, генерал спохватился и принял строго официальный тон:

— Ад'ютант! — крикнул генерал, опять скрывшись за стол.

Из соседней комнаты вышел сотник.

— Заведите вот этих... — И опять начал подписывать бумаги.

Гур помялся с ноги на ногу.

— Ваше Превосходительство! А где бы я сыноч мог найти?

— На фронте они... Иди, Гур, после поговорим.

— Счастливо оставаться, Андрей Ив... Ваше Превосходительство!..

Настроение, в котором находилась тогда Феодосия, было похоже на настроение не азартного игрока, в пух и прах проигравшегося к концу партии. Такой игрок еще сидит за столом смотрит в карты, тасует, принимает, но нервы его в игре уже не принимают участия. Он зеваает, ерзает на стуле... Страсть, вызванная игрой, остыла и к выигрышу и к проигрышу. Усталыми, безучастными глазами смотрит он за междуусобной борьбой остальных партнеров, которая для него, лично, уже окончена. Уходить он не думает, потому что и он партнер, но знает, что когда игроки встанут, он первым выйдет в двери.

Гур инстинктом волевой, активной природы сразу чувствовал это настроение и наводрил уши. Он увидал, что феодосийские, вольные и невольные «обыватели» или «пробыватели» в борьбе двух партнеров — Врангеля и большевиков — чувствуют себя уже «сбоку — припеку» и хоть еще и проигрывают свою, казачью кровь на фронте, но на этот свой последний проигрыш смотрят, как игрок, проигравший тысячи, смотрит на свои последние копейки. С оставшимся «капиталом» продолжать азартную игру — бесполезно.

Он обошел все интенданства и вешевые склады, требуя обмундирования, ибо обносился в горах так же, как и хорунжий, когда отрекомендовался ему Робинзоном. Но, нигде ничего не получил. Подступы к легальным штанам и френчам были забаррикадированы грудями исписанной и разграфленной бумаги, которую кто то должен был завести, провести, подписать, доложить, подтвердить, утвердить и т. д., и т. д..

Потом Гур узнал, что бутылка спиртяги пробивает даже окованные особыми приказами ворота, что порожный холщевый мешок имеет большую ценность, чем таковой, набитый «врангелевскими деньгами» и что последняя лодченка в Феодосии надежнее официально неприступных укреплений на перешейке.

В городе уже чувствовалась тяга к пристани, поближе к пароходам, и Гур, вначале было решивший идти к сыновьям на фронт, начал нетерпеливо поджидать их к себе, в Феодосию. Гур чувствовал (а чувство это было общее у всех казаков, с которыми он жил в Феодосии), что сейчас для казаков несравненно выгоднее и целесообразнее сохранить голую жизнь всех, находящихся в Крыму казаков, уйдя на время из Крыма хоть к чорту на рога, чем потерять даже одного молодого бойца хотя бы и в «блестящем» бою по эту или по ту сторону Перекопа. И потому эвакуация его нисколько не удивляла своей «неожиданностью». А когда к пристани конфузно потянулись первые, наиболее осведомленные чины и чиновницы тыловых учреждений, Гур, сделав несколько прощальных визитов вешевым и пищевым складам, спустился в темный трюм «Владимира». Позаботился, конечно и о сыновьях.

И не ошибся. В эту же ночь к пароходу подошли первые конные группы. А на рассвете среди спешившихся, расседлавших коней казаков Гур увидал своих сыновей — Петра и Шешку.

— Ребята! Стешка!... Петро!... — закричал он с высокого носа «Владимира», вне себя от радости.. — Ребята, сюда!..

Спустил канат, втащил сперва седла, а потом по тому же канату на пароход вскарабкались Шешка и Петро.

— Вить, нашел факи!.. — Плачет Гур, целуя и обнимая сыновей. — А теперь уже дудки... Вместе на Кубань пойдём... Всего отведали... Крым и рым прошли..

— Эх, лапаша (смотрят ребята через борт)... Сколь наших останется... а сзади еще сколько.. Пропали казаки!..

Тоскливо, страшно гукнул пароход. Задрожал. Накренился. Отплыл. Охнула пристань. Заметались казаки. Закричали. Зашелкали выстрелы... — Да что ж это? Ой, Боже!..

— Прощайте, братцы! — С плачем крикнули казаки с палубы.

— А... а!... Боже мій!..

«Владимир» отплыл на рейд.

ЭПИЛОГ И НАЧАЛО.

В 193.. году в один жаркий летний полдень около «поштанске станице» богатого сремского села остановился почтовый автобус. Кондуктор понес «пошту», а шоффер озабоченно посмотрев под крышку мотора, заявил пассажирам:

«Целых пол часа можете гулять по селу. Или пить вино, кому как угодно».

Пассажиры, довольные, что могут вылезти из душного автобуса и выпить прекрасного «хрушкогорца», не протестовали против долгой остановки и разошлись кто куда.

Один «путник», средних лет человек, видимо не из сремских мест направился к сельскому кладбищу, которое зеленым оазисом приятно выделялось среди ровной, желтой степи. Придя туда, он рассеянно, с равнодушием случайного прохожего, смотрел на памятники, кресты, цветы на могилах... Вдруг стал. Скинул шляпу.

— Вот судьба!.. — тихо, задумчиво прошептал он и, подойдя к белому памятнику в форме невысокого обелиска, прочитал:

«Никанор Петрович Гур. Казак станицы Темижбекской».

Опустился на колени. Долго стоял так. Перекрестился. Поцеловал маленькую эмалированную фотографию... Надел шляпу и грустно пошел назад.

Мотор еще не был готов и путник, от нечего делать, остановился перед колодезем с высоким журавлем, все еще под впечатлением от только что виденного памятника казаку, так далеко умершему от родной станицы... Мальчик, лет 10 - 11, ловко орудуя «журавлем»,

поил пару крепких «пингальских» коней. Кони фыркали, чесали один о другого искусанные оводами губы, дергались, а мальчик левой рукой умело перебирая поводья, а правой поддерживая ведро, успокаивал их на певучем сремском диалекте.

— Како се зовешь, мали? — приветливо улыбнувшись, спросил путник.

Мальчик вскинул голову и бойко, четко ответил:

— Никанор Петрович Гур, казак станицы Темижбекской.

— Что? — согнулся от неожиданности путник. —

А кто тебе вот тот.. там? — кивнул он в сторону кладбища.

— Мой дедушка — Никанор Петрович Гур, казак станицы Темижбекской!..

.. Но, но, ви!.. закричал он на коней, накинул на одного уздечку и вмиг вскарабкался.

— Збогом, господине! — С места зарысил по пыльной дороге..

— Никанор Петрович Гур умер.. Да здравствует Никанор Петрович Гур! — весело крикнул хорунжий и, не ожидая приглашения шоффера, бодрым шагом пошел к автобусу..

КОНСТАНТИН ПОЛЯКОВ.

П О Э Т У   У К Р А И Н Ы

Твоя душа, как сад весной, цветет
Любовью к чудной Украине.
Никто и никогда любви той не уберет
К реке широкой, будто небо, синей.

Твоя душа, как сад весной, цветет...
Порой она зияет черной раной
И пламя мести в ней огнем стихийным бьет
К жестоким палачам, земли твоей тиранам.

За правду много раз кровь обогрела свет.
Свободой правда та зовется.
Ты был и будешь рыцарем ее, поэт,
Пока в груди твоей большое сердце бьется.

И я, степей певец, как Ты, пою
Любви песнь Родине своей далекой
И жду тот час, когда в святом бою
Воскреснет Воля средь степи широкой.

Когда душа моя полна тревог до края
И нету слов, чтоб выразить печаль,
О, как хочу, хочу я, от тоски сгорая,
Чтоб вылились слова в свинец и сталь.

Чтобы свинец горячий, крепкий,
Пронзил врага Отчизны грудь...

Да, только так найдем к свободе путь.

И если нас сейчас за правду гонят,
Мы завтра по коврам цветов пойдем...
Но нам не нужно это.... Сердце стонет...
А Волю Родине мы все равно вернем!

Твоя душа, поэт, как небо Украины,
Где звезды так ярки и месяц круторогий.
Горда, как Твой народ, не гнуший спины,
Бурна, как Днепр, что бьет через пороги.

Как жалко мне до боли
Народ несчастный наш, лишенный Воли!..

И потому душа полна тревог до края,
И нету слов, чтоб выразить печаль...
О, как хочу, хочу я, от тоски сгорая,
Чтоб вылились слова в свинец и сталь.

НИКОЛАЙ ЛАПКИН.

**

Стелется по миру красный туман,
Кутая совесть и душу людскую,
Дико несется безумья обман...
Дико хохочет... Но, все это всеуе...
Данная некогда свыше Скрижалъ
Попрана злобной, бездарной ордою...
Вьется по степи гнилая мораль
С знаменем: серп с пятипалой звездой.
Подвиг, традиция, честь и любовь
Скомканы в поисках жизни «свободной»...
Продана совесть за красную новь,
Спит и рассудок в работе бесплодной.
Мир — как Пилат, но безжалостен Рок
К сжегшим Казачье величье былое...
Силен вековой житейский урок,
Будет разбито чужое гнилое...

Звездой путеводной, рассеявшей мрак,
Отдавши и жизни за Дикое Поле,
Сольются Назаров, Баян и Ермак
И вернут и мощь, и заветную Волю.

Могут ли подлость и грубый обман
Ворвать из душ наших вечно живое?...
Помню я выстрел... Ушел Атаман...
Помню и «Войско», до боли родное...
Помню холопов на Круге, их вой...
Рабские речи, безумия полны...
«Сволочь, пли!»... помню... И умер другой...
Сгладят - ли то равнодушия волны?
Нет! Всеказачий Курган
Вновь соберет легендарные были,
Душу казачью разбудит Баян,
Степь улыбнется забытой могиле...

Слышится звуков далеких раскат,
Пахнет предвестницей Солнца — Грозою,
Близок обмана кровавый закат:
Казачество моется чистой слезою.

ВАДИМ ИЗМАЙЛОВ.

О т ч е г о ? . . .

Я не ведал завидной той доли —
Зреть простора родных мне степей,
Хуторов и станиц... Оттого-ли,
Всем знакомые, чужды мне боли
Здесь, среди тяжких изгнанием всем дней?

Я не видел широкого Дона...
Что доступно другим — не могу,
Ощувивши всю тяжесть урона,
Воскресить пред собой его лоно
И ковыль на отлогом берегу...

Отчего же тогда эти строки
Так печалью своей хороши?...
И кто бросит за то мне упреки?...

Не знаком ты мне, Край мой далекий.
Но столь близкий стремленьям души!

Не могу я, исполнен печали
И любовью горячей об'ят,
Проскользнуть сердцу милые дали,
Вспомнить дни, что давно миновали,
Унеся пережитого ряд...

Отчего же тогда в дни разлуки
С этим милым прекрасным былым —
Хоть мне чужды страданья и муки —
Столь отрадны стихов этих звуки
И внимаю я с радостью им?

О Ч Е Р Е Д Н О Е

В мире делаются большие дела и готовятся события еще большие.

Все мы чувствуем, что события те могут разразиться в любой момент.

И перед всеми нами встают тревожные вопросы о нашем месте и нашей роли в тех грядущих событиях и о влиянии их на решение нашей казачьей судьбы.

Неспокойно и в среде тех казаков, которые до сего времени стояли в стороне от нас, находились вне казачьих национальных сил, были в русском лагере или, оставаясь вне всякого лагеря, выжидали.

Сейчас и они чувствуют, что в чужих лагерях делать им нечего, что нейтралитет держать тоже долго не пришлось бы... Вот почему и среди них начинаются поиски решения казачьего вопроса, поиски выхода из положения, ставятся вопросы о завтрашнем дне... Словом, и они начинают сами думать о себе, начинают «заниматься политикой»...

Было уже несколько случаев, когда такие «прорывающиеся» казаки предлагали вольным казакам или вольно - казачьим организациям на местах стговор или соглашение, предлагались «коалиции» и объединения... Но, первые затруднения наступали сейчас же, когда ставился неизбежный, совершенно законный в таких случаях вопрос: зачем делать такой стговор? зачем заключать такую коалицию? что делать потом, после стговора и соглашения, объединенными силами? куда идти, к какой цели и по какой дороге?

Из практики общественной и политической жизни других народов и государств мы знаем случаи — и не редкие — заключения коалиций и соглашений политических партий или иных общественных групп. Особенно естественны такие коалиции в трудные времена внешних войн. Чаше, все же, коалиции и соглашения создаются для решения очередных и конкретных задач и вопросов внутренней жизни в государствах со множеством политических партий.

Как создаются такие соглашения и коалиции? — Участники их отказываются временно от некоторых частей своих программ или откладывают их в сторону, делают друг другу уступки и сходятся на чем то среднем, создают временную программу коалиции.

Коалиции распадаются, когда задачи, им поставленные, осуществляются. Случается, что некоторые коалиции распадаются и раньше из-за несогласий между участниками их.

Примеры коалиций — теперешние «народные фронты» в некоторых странах.

Можем ли мы, самостийники, идти на соглашения и вступать в коалиции сейчас с другими казачьими группировками?

Раньше, чем ответить на этот вопрос, мы должны будем ответить на вопрос: в чем же суть нашей программы и можем ли мы отказаться от нее или какой либо части ее (хотя бы временно), можем ли мы сделать хоть один шаг в сторону со своей дороги, чтобы стать приемлемыми для тех, в коалицию или на соглашение с кем мы идем?

Ответ наш совершенно ясен: конечно, нет!

Зачем бы нужно было идти нам в коалицию? — Очевидно, для усиления тех сил, с которыми мы хотели бы поскорее достигнуть *наших целей*, осуществить *наши задачи*. Но, легко могло бы случиться, что, вместо усиления сил, получился бы обман для других и самообман для нас. Казачьи силы количественно увеличились бы, но основные цели ВК были бы изменены. Тем самым мы перестали бы существовать как самостоятельная организация со своей постоянной и неизменной программой и силы наши — качественно! — в действительности бы уменьшились.

Но, повторяем, целей своих изменить мы не можем ни в какой мере (даже временно).

У возможных наших партнеров ясных политических программ нет. Коалиция с ними — это ус-

тупка наша им и уступка их нам — означала бы создание чего то третьего. Чего?

Входя в соглашение с одной несамостийной, хотя бы и казачьей группировкой, потом с другой, все время пришлось бы в некоторой части менять нашу программу (или отказываться от части своей программы) и создавать каждый раз новую программу нового «общего фронта», т. е. пришлось бы уйти с нашей дороги на неясные и извилистые неизвестные пути, ведущие к неизвестным целям. И, вместо ожидаемого усиления сил, мы рисковали бы провалом всего национально - освободительного казачьего дела.

Вот почему для нас возможно только одно соглашение, только одна коалиция: другие казаки должны стать на наш путь, должны искренно и безоговорочно признать и принять нашу программу — программу *Освобождения, Независимости и создания самостоятельного об'единенного Казачьего государства КАЗАКИИ*.

В противном случае, даже при самых наилучших намерениях, заключение соглашений и коалиций привело бы или к ничему неделанию в самом основном и жгучем нашем вопросе, или пришлось бы и нам повторить басню о раке, лебеде и щуке (тоже, ведь, это была коалиция!).

Вообще, вопрос о самостоятельности казачьего государства — Казаккии — не может быть предметом торга: его можно или принять целиком и без оговорок, или целиком же отбросить (половинчатые формулы «впредь до» — неискренни, неясны и никого, в конечном счете, они не удовлетворяют, а главное — наверняка ведут к проигрышу). Кто примет,

Николай Степанович Рябовол

(К 17-ой ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ).

(Окончание).

Начинается судебное дело об убийстве Председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола.

Однако, следствие ведется так, что виновников не находят, ибо их не хотят найти. Дело назначается к слушанию в военно - окружном суде в Ростове на 3 (16) октября 1919 г. «В качестве обвиняемого, как пишет газета «Борьба», привлечен комиссионер гостиницы «Палас - Отель» А. Коврижкин. Ему инкриминируется содействие, из корыстных побуждений, **необнаруженным убийцам**. Преступление предусмотрено статьей 225 Устава о наказаниях Всевеликого Войска Донского и карается смертною казнью»...

Разыгрывается комедия суда. Но и на этом суде приоткрывается частица правды в том, как «искали» виновников и кто действительно был причастен к убийству. Свидетель Коссович, офицер для производства дознаний при Ростовской контр - разведке, показал, что «14 июня (день убийства) расследование убийства было изъято из ведения местной уголовно - розыскной стражи и передано контр - разведке. Я получил приказание, свидетельствует Коссович, об аресте ротмистра Коптева, графа Воронцова - Дашкова и Квинихадзе». Вскоре, однако, они были освобождены. Когда свидетель Коссович докладывал начальнику контр - разведки о необходимости производства розыска (а не вести только дознание), то ему было приказано **никакими розысками не заниматься**. По мнению Коссовича, высказанному им во время судебного разбирательства, главными организаторами убийства были офицеры: Яковлев, граф Воронцов - Дашков, Коптев, Бологовский и Скородумов. Как увидим ниже, Коссович был недалек от правды.

Выяснилось также, что когда следствие установило, что заговорщики не задолго до убийства и сейчас же

тот наш. Кто отвергнет, с тем невозможны ни коалиции, ни соглашения, — не для чего! Такие «союзы» только связали бы нас по рукам и ногам и парализовали бы всякую нашу работу.

В заключение припомним тем, кто это забыл, что в прошлом как раз казаки и шли на компромиссы по основному вопросу о самостоятельности и ничего хорошего для Казачества из того не вышло. И не могло выйти. И не может выйти.

Вольные казаки — казаки - националисты, — приняв все это к сведению, должны удвоить свою работу, чтобы доказать всем другим казакам, что сейчас время не коалиции заключать и затемнять наши цели, а всем становиться в одни ряды и как можно сильнее подчеркивать основные задачи ВК национально - освободительного движения, выдвигать их везде и всюду на первый план и первое место. Ибо только в их осуществлении — спасение Казачества.

Относясь отрицательно к коалициям (не можем ни в какой мере поступиться вопросом о самостоятельности), мы думаем, что сейчас можно поставить вопрос иначе: можно поставить вопрос о некотором перемирии в казачьем лагере. Можно идти на всякое искреннее предложение создать более мирную обстановку в казачьей семье. Но и это ни в какой мере не должно ослаблять нашей работы, не должно ослаблять и останавливать нашей пропаганды и проповеди ВК программы среди других казаков. Наоборот, эту работу надо вести сейчас с удесятеренной энергией.

после убийства Н. С. Рябовола пользовались автомобилем управления снабжением Добрармии, то «старый доброволец», как он сам себя называл, Донской Атаман А. П. Богаевский, пользуясь прерогативой своей атаманской власти, приказал дело об автомобиле управления снабжения Добрармии из следствия изъять. Приказание это, в сущности, равнялось распоряжению прекратить следствие, т. к. этим самым запрещалось искать убийц там, где они в действительности были. Поэтому то на судебной скамье и оказался в единственном числе третий - степенный виновник, подплаченный «необнаруженными» убийцами наводчик, помощник отельного привратника, Коврижкин.

Пользуясь данными, которые в разное время были опубликованы в печати, а также документами, еще не опубликованными, и некоторыми сведениями личного характера, восстановим картину и обстановку убийства.

В газете «Приазовский Край» 9 (22) июня 1919 г. читаем:

«В Армавире открылся отдельский казачий с'езд (прим. Ред. город Армавир — центр Лабинского отдела, многие депутаты которого в Краевой и Законодательной Радах отличались горячей преданностью матушке Москве и являлись большими поклонниками «собираателя земли Русской» ген. Деникина). С'езд заслушал доклад члена Рады Филимонова о парижской делегации (прим. Ред.: Сотник Д. А. Филимонов, юрист, племянник Войскового Атамана Филимонова; был членом парижской делегации, в конце мая 1919 г. возвратился на Кубань; в 1920 году сотн. Филимонов добровольно остался у большевиков). Присутствующий на с'езде Вой-

ской Атаман Филимонов сделал по поводу доклада Д. А. Филимонова разъяснения, при чем указал, что задачи, усвоенные делегацией Быча, ошибочны. После объяснения Войскового Атамана, полковник Карташев предложил признать действия Быча преступными. Войсковой Атаман заметил, что с'езд не берет на себя задачи судить Быча» и т. д.

Итак, в Армавире, за несколько дней до убийства Н. С. Рябовола, на сцене, как видный член с'езда, появляется полк. Карташов.

Бывший жандармский офицер (до революции служил в Финляндии), изящной наружности, как почти все жандармы царской службы, ловкий, проницательный, умеющий оборотиться и вкрасться в доверие, Петр Васильевич Карташов (называем его по имени - отчеству, чтобы не выходило путаницы с другими Карташевыми) в опасное для жандармов время 1917 г. каким то образом пристроился к одной из Кубанских войсковых частей, с нею пришел на Кубань в Таманский отдел и с того времени считал себя кубанским казаком. Осенью 1918 г., втершись в доверие к бывшему тогда министром внутренних дел А. И. Кулабухову, Карташов, тогда еще войсковой старшина, был назначен заведывающим розыскной частью Кубанского правительства. В скорости он сумел заслужить доверие и Войскового Атамана Филимонова. Разумеется, Кубанское правительство и своего шефа, А. И. Кулабухова, он, Карташов, предавал, работая на Добрармию.

Прославился г. Карташов тем, что в конце декабря 1918 г. составил проект заговора против Кубанской делегации в Париже, который и представил командование Добрармии. Но на этом он поймался: его доклад был перехвачен и оглашен в Законодательной Раде. Получился большой скандал. Правительство Ф. С. Сушкова должно было уволить его со службы. Но все же он был произведен в чин полковника.. Вероятно — за «добрые» намерения его по адресу Парижской делегации; мол, не его вина, что проект не удалось осуществить.

После этого скандала полк. Карташов исчезает на некоторое время с Кубанского горизонта, но затем снова всплывает на поверхность в Лабинском отделе, пристроившись к поддерживавшейся кубанскими землевладельцами организации, именовавшей себя «Казачьим Кругом». Весною 1919 г. он раз'езжает по станицам Лабинского отдела и ведет яростную пропаганду против Законодательной Рады и кубанской делегации в Париже. Несомненно, что он же был одним из инициаторов покушения на П. Л. Макаренко, который очень резко выступал против Карташова в Законодательной Раде по поводу его заговора на Кубанскую делегацию в Париже.

С этим господином Кубанский Войсковой Атаман вступает на Армавирском с'езде в мягкую полемику, хотя и знает о его покушении на Парижскую делегацию и о его преступной агитации против Рады.

После посещения Армавира Атаман Филимонов уезжает на Минеральные Воды, на совещание с Донским и Терским Войсковыми Атаманами. Весть об убийстве председателя Краевой Рады застаёт его в Пятигорске.

Перенесемся в Ростов.

Спасаясь от русских людей - большевиков, русские люди - небольшие заполняют в конце 1918 и на-

чале 1919 г. г. казачьи города, ибо тут можно укрыться за широкой казачьей грудью от большевистской пули, можно вволю «кушать» и даже не плохо зарабатывать на спекуляции с казачьим добром. Тут можно, наконец, и послужить своей обожаемой «Единой - Неделимой», «поднимая дух казачества» и вызывая «горячим словом» у «глухых казачков» энтузиазм к делу спасения «общей родины». Политический идеал бежавших из России патриотов — восстановление в полной неприкосновенности сброшенного революцией государственного строя. Сами они сражаются за свой идеал не любят, но их, способных носить оружие, десятки тысяч разгуливают по улицам казачьих городов и даже станиц. Сражаются за них должны «казачки» — это ведь давнее казачье ремесло. Тот же, кто не хочет за них жертвовать казачьи жизни, кто не хочет добывать им ихнюю родину, а, наоборот, болеет сердцем о своей родине, о казачьей земле и казачьем народе, тот — их смертный враг, предатель, изменник, его не грех и убить.

Особенно обильно переполнен был в то время подобными русскими людьми город Ростов. Там создалось, как говорил И. Л. Макаренко, «гнездо прочное и крепкое»; мы бы сказали — «истинно - русское» змеиное гнездо, откуда раздавалось на казачьих патриотов шипение гадов. И с этой точки зрения выбор председателем Донского Войскового Круга В. А. Харламовым Ростова местом заседаний казачьей конференции был удивлен несчастливым. Пригласить кубанцев туда, это значило до чрезвычайности облегчить убийцам Н. С. Рябовола их гнусное дело.

Среди осевших в Ростове русских «патриотов», особенной подвижностью, шумливостью и прямо звериной ненавистью к кубанским и всяким иным самостийникам отличалась группа, во главе которой стояли чистокровные москвичи — почтенный на вид, с длиннейшей бородой, московский присяжный поверенный Измайлов и, тоже московский прис. пов., Варламов. Членами группы, в числе других, состояли: поручик Арзамасов, убивший впоследствии в Константинополе ген. Романовского, жандармский генерал Комиссаров, широко известный в бывшей России своей провокаторской деятельностью; офицер одного из бывших привилегированных царских полков, тип кровожадного однорукого бандита, автор неосуществленных проектов массового истребления безоружных «врагов России», а в скором времени — главный организатор убийства Н. С. Рябовола — назовем его полковником Х. С этой группой тесно был связан идейно и организационно полк. Карташов, «работавший» на Кубани.

Группа, покамест, делала мелкие гадости, выпускала памфлеты, злословила, а больше — пьянствовала в ресторанах, обсуждая проекты большого «дела». Одно время казалось, что такое «дело» наклеивается. В июне месяце в Ростове должен был состояться какой - то еврейский с'езд, кажется, сионистов. В группе возникла мысль взорвать в день торжественного открытия с'езда целый с'езд. Но, очевидно, устроители с'езда во-время сообразили, что Ростов совсем не подходящее место для таких с'ездов и потому отложили его на неопределенное время. Так ничего из «грандиозного плана» группы на сей раз и не вышло.

Зато, в скорости, подвернулась им другая «работа». В Ростов должна была приехать Кубанская делегация самостийников во главе с Н. С. Рябоволом.

Еще за день до приезда делегации и спустя 2 - 3

СИМВОЛ ВЕРЫ ВОЛЬНОГО КАЗАКА.

ВЕРЮ ВО ЕДИНОГО БОГА, КАК ТВОРЦА ВСЕЛЕННОЙ, В ЕГО НАИВЫСШУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, В СИЛУ КОТОРОЙ ДОЛЖНА ВОЗРОДИТЬСЯ И МОЯ РОДИНА — КАЗАКИЯ.

ВЕРЮ В ПРОМЫСЛ БОГА ЖИВОГО, В ЕГО НЕПОГРЕШИМОСТЬ И ПУТИ ЕГО НЕИСПОВЕДИМЫЕ, ПО КОТОРЫМ Я ДОЙДУ ДО СВОЕЙ ЦЕЛИ — КАЗАКИИ.

ВЕРЮ ВО ВСЕМОГУЩЕГО, ВЕЗДЕСУЩЕГО, МИРАМИ УПРАВЛЯЮЩЕГО, СВЕТ НА НАС ПРОЛИВАЮЩЕГО, СИЛЬНЫХ ДУХОМ УМУДРЯЮЩЕГО, МОЕГО БОГА — БОГА КАЗАКИИ.

Петр Родин.

дня по закрытию Армавирского с'езда, в Ростов приехал сотник Ожаровский. Тот самый, которому не удалось убить П. Л. Макаренко и который был освобожден из — под ареста по особому распоряжению Кубанского Атамана ген. Филимонова. Сотн. Ожаровский привез полковнику Х. письмо от полк. Карташова, в котором этот последний писал о необходимости не позже трех дней убить Н. С. Рябовола. Необходимость такой спешки полк. Карташов мотивировал тем, что, мол, Н. С. Рябовол в одном из первых заседаний конференции должен огласить воззвание от имени черноморской группы членов Рады (самостийников) к фронтовым казакам кубанцам, чтобы те оставили противобольшевистский фронт и шли защищать Кубань от русских добровольцев.

Само собой разумеется, что это была ложь. В своей программной речи на конференции Н. С. Рябовол как раз и говорил о необходимости бороться против большевиков объединенными казачьими силами и отбрасывать лишь диктатуру «русских вождей», которые приведут Казачество к гибели.

В письме полк. Карташова предлагалось использовать сотника Ожаровского в качестве помощника при убийстве Н. С. Рябовола. Помимо желания самого сотника, полк. Карташов, очевидно, не мог сделать такого предложения. Ясно, что сотнику хотелось оправдаться в глазах тех, кто так недавно оказал ему доверие, доказать им, что он действительно на что то пригоден.

После некоторого размышления, полковник Х. согласился организовать убийство Н. С. Рябовола, но от помощи сотника Ожаровского решительно отказался, считая его, после неудачи с покушением на П. Л. Макаренко, нерасторопным, мало надежным партнером.

О задуманном полковник Х. доложил своей группе. Группа одобрила, а прис. пов. Варламов так растрогался, что при прощании даже перекрестил полковника Х. — Характерная черточка: «глубоко — набожные» интеллигенты — москвичи даже на гнуснейшее преступление, на убийство из-за угла благословляют святым крестом — символом высочайшей любви и всепрощения. Предел моральной низости...

Начинается горячая подготовка к убийству. Времени мало, нужно спешить. За два дня наберены верные сотрудники: будущий убийца ген. Романовского ротмистр Арзамасов, названный на суде свидетелем Косовичем в качестве одного из организаторов убийства капитан Скородумов, еще три офицера Добровольческой армии, из них — два дроздовца, проделавшие поход из Ясс к Ростову.

Нужно было составить и хорошо продумать весь план убийства и тщательно изучить местность, где должно было совершиться преступление, а также — пути бегства по выполнению его. Необходимо было точно распределить роли между соучастниками, учитывая «способности» и характер каждого из них. Нужно было подготовить фальшивое алиби, ложные доказательства нахождения преступников в другом месте в момент совершения преступления. Для этого, как полагается в подобных случаях, лучше всего подходят кафе — шантанье певички и вообще женщины легкого поведения. И это было устроено. Оставалось достать автомобиль для бегства. Впрочем, достать автомобиль было делом не трудным. Его просто взяли из Ростовской авто — мастерской Добармин; там, ведь, люди свои, для такого благого дела не откажут. Шоффером согласился поехать полк. Краснопольский, а помощником шофера капитан Дон. Прделана была проба с автомобилем, полковник Х. с шоферами (добровольческими офицерами) проехали маршрут бегства, чтобы не случилось потом какой либо ошибки. Шоферам было указано точное место стоянки вблизи «Палас — Отеля», на другой стороне улицы, под деревом, где вскочат в автомобиль убийцы.

Наконец, надо было разведать, как распределяется время жертвы, куда и с кем выходит Николай Степанович, кем и как охраняется? Нужно было также посмотреть на жертву лично, так как убийцы в лицо Николая Степановича не знали.

Сведения о распределении времени Ник. Степановича полковнику Х. удалось получить от ген. Комиссарова, который жил в том же «Палас — Отеле», что и Кубанская делегация. Бывший начальник личной охраны царя Николая 2-го, многолетний «ловец революционных

душ», оказался на высоте призвания. Его сведения были точны: живет Н. С. Рябовол в таком то коридоре, в номере таком то; охраны, собственно говоря, никакой не имеет; довольно поздно возвращается, потом ужинает в общем зале ресторана «Палас — Отель»; после ужина выходит гулять или, вернее сказать, выезжает на извозчике на прогулку; видеть издали его можно во время ужина...

Поздно вечером 13 июня пришли кубанцы в ресторан и заняли оставленный им раньше стол. Ужин затянулся за полночь...

Полковник Х. тоже был в ресторане, но не в общем зале, а на балконе, что полукругом окаймлял ресторанный зал. Оттуда, сверху удобно было наблюдать за ужинавшими, самому оставаясь полускрытым. Там, на балконе ужинала компания — знакомые и друзья графа Воронцова — Дашкова, в том числе и полковник Х. Граф показал убийце Николаю Степановичу. Полковник Х. наблюдал за каждым движением своей жертвы, предвкушая заранее наслаждение от того, что он прольет кровь, уничтожит этого, ему незнакомого, молодого, жизнерадостного человека...

Разошлись ужинавшие. Погашены огни в ресторане. Николай Степанович уехал.. Тишина и полумрак воцарились и в длинном коридоре, на который выходила комната Николая Степановича. Только тихо скользят по пустынному коридору две фигуры, ожидая возвращения Николая Степановича, чтобы убить его тут, если случайно он не будет убит раньше, при входе. Двое других сторожили при входе.

Чтобы не случилось какой либо помехи со стороны опытного отельного швейцара, который мог заподозрить в поведении заговорщиков что — нибудь неладное, одному из соучастников убийства было поручено с вечера мертвецки напоить его, что и было сделано. На ночном дежурстве у входных дверей остался подпалаченный убийцами отельный рассыльный (комиссионер) Коврижкин, единственный формально найденный следствием соучастник преступления.

Около половины второго ночи под'ехал экипаж. Седок расплатился с извозчиком и быстро направился ко входу. За ним шмыгнули две тени. Коврижкин открыл дверь, сделал условный знак «тень» и впустил Николая Степановича и его убийц.

Только что вступил Николай Степанович в вестибюль и сделал 2 — 3 шага, как раздался выстрел, за ним сейчас же другой. Стреляли сзади на расстоянии одного-двух метров. Одна пуля попала в шею, другая — ниже локтя уха. Смерть наступила моментально. Николай Степанович упал головой на первую ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж, лицом вверх. Так впоследствии он был сфотографирован. Фотография эта помещена была в газетач.

Из — за тенистого дерева тихо выехал автомобиль Добармин с потушенными фонарями и принял убежавших из отеля четырех «героев», думавших спасти свою «Великую Россию» убийством вольнолюбивого казака из-зазасады. Один из участников убийства, совершенно пьяный (Скородумов), совсем было запутался и едва не остался на улице.

В убийстве принимало участие столько лиц, что не найти виновников нельзя было. И то тем более, что «геройское» убийство было очень популярным в добровольческой среде. Убийц чуть ли не открыто поздравляли с «успехом». И, как уже знаем, они были, по крайней мере частично, открыты. Их называли поименно. Некоторые из них были даже временно арестованы. Но интересы все той же «Единой» и ложно понятая честь Добармин продиктовали тогдашнему верховному главе Дона нарушить данные кубанцами обещания о розыске и наказании виновников, заставили генерала Богавевского растоптать право и справедливость, пренебречь горем и слезами Кубани. Все было принесено в жертву ненасытному Молоху... И совершенно напрасно, ибо случилось так, как предсказывал в последний день своей жизни Н. С. Рябовол: своей бездарностью и неразумием «вожди» погубили дело борьбы с большевизмом и ввергли в пропасть все Казачество...

Совсем маленький персонаж во всей этой горестной казачьей драме, сотник Ожаровский моментально исчез из Ростова, очутившись в Екатеринодаре под крылыш-

ком своих сильных покровителей. На некоторое время исчез с горизонта и полк. Карташов, иначе, несомненно, и он был бы арестован. Когда же увидел, что для других, для непосредственных убийц дело повернулось совсем не плохо, он снова вынырнул, все в том же Армавире, продолжая строить козни против Рады.

Войсковой Атаман Филимонов, как читаем об этом в «Трагедии Казачества» (ч. III, стр. 57), «метал молнии и грома в адрес убийц над могилой покойного при погребании, на гражданской панихиде в местном театре и т. д. Всем, кто близко видел в эти дни Филимонова, бросались в глаза его невероятно трясающиеся руки, временами трясающийся подбородок и общая растерянность. Совершенно не было понятно, почему так волнуется Кубанский Атаман»...

Круг событий на этот раз замыкается. Отдельные звенья: Екатеринодар, где все еще продолжает сидеть центр Добрамии, представляет из себя арену ожесточенной борьбы двух непримиримых сил — казачьей самостийнической и русской неделимческой; отсюда, из Екатеринодара, несомненно, выходит инициатива начать физическое уничтожение самостийников. Армавир, где за кулисами казачьего съезда принимается решение убить одного из главных представителей казачье — самостийнических сил; решение принимается, несмотря на то, что в Армавире в это время присутствовал Войсковой Атаман Филимонов, у которого потом «невероятно трясутся руки и подбородок». Ростов, где Армавирское решение приводится в исполнение, а для этого пускается в ход весьма сложный аппарат. Посмотрите, кого только нет в этом аппарате: гвардейские и негвардейские полковники, ротмистры и капитаны, жандармские генералы и графы, Коврижкин, московские присяжные поверенные и дамы легкого поведения...

Очевидно, недаром ополчилась на несчастного Николая Степановича вся эта свора. Бельмом в глазу им стоял он. Заслужил дорогу на Москву. Боялись его и потому уничтожили.

Но это только кажется что Н. С. Рябовола уничтожили. Один из известных французских писателей как то сказал, что наши мертвые живут среди нас, что только иную форму жизни они принимают. Живет и Николай Степанович среди нас, потому что живы среди казаков его идеи, жива у них любовь к своим Краям, к Казачеству...

Единственной «прекрасной ланой» его сердца была Кубань. За любовь к ней он физически умер. Кубань не забывает и не забудет его высокой, чистой любви, запечатленной смертью.

Не забывает его не только Кубань зарубежная, эмигрантская. Помнит и чтит его память и Кубань тамошняя, уярмленная, под московско - большевистским

сапогом стонущая и кровью истекающая. Русский коммунист Влад. Ставский выпустил две книги, написанные им — одна в 1928 г., другая — в 1929 г. В них он описывает жизнь черноморских станиц под владычеством большевиков; собственно говоря, описывается продолжение борьбы казаков против большевиков. Культ памяти Н. С. Рябовола, очевидно, произвел на автора очень сильное впечатление, так как несколько раз он возвращается к факту убийства Николая Степановича. В первой книге, под названием «Станица», он пишет: «Громом прошел по казачьим частям приказ — убит член Кубанского правительства Николай Рябовол донским офицером из-за какой-то барышни». Автор даже не знает, что Н. С. Рябовол был председателем Рады, но добровольческая легенда про «барышню» ему хорошо известна. Поехавший в 1919 г. в отпуск кубанский казак Сергей Крицкий, один из персонажей очерков, вахмистр царской армии, сражавшийся в 1918 — 1919 г. г. против большевиков, а в 1920 г. перешедший к большевикам, «слыхал от писаря Левченка Ивана, что убит Рябовол не из-за барышни, а белогвардейцем за то, что не давал в обиду Кубанское Казачество. И уже поют на Кубани жалостливую песню про Рябовола, про его смерть:

«Плач, Кубань, Край наш рідний,
Лежить Микола, син твій вірний»...

В другом месте книги читаем: «Вдалеке дивчата поют песню про Рябовола, вождя кубанских самостийников, убитого белым офицером Добровольческой армии».

В книжке под заглавием «На гребне», где описывается уже другая станица на противоположном конце Черноморья, снова читаем: «Над станицей идет звездная, свежая ночь. Около народного дома дивчата горласто, криком запевают жалостную песню про убитого Миколу Рябовола:

«Плач, Кубань, Край наш рідний,
Лежить Микола, син твій вбитий»...

Поют дивчата десять лет спустя после убийства. Поют дивчата, которым 16 - 17 лет, а в день убийства Николая Степановича было 6 - 7 лет. Для них Н. С. Рябовол уже не реальная личность, но легендарный герой.

Поют дивчата на Кубани и долго еще будут петь песню о Н. С. Рябоволе, потому что вероломное убийство его, стойкого, негнушегося защитника казачьей воли, поразило народное воображение.

Нас, его соратников, это вероломство зовет к отщепеню его памяти. А наиболее действительной и чувствительной метью нашей его убийцам и их единомышленникам будет монолитное сплочение казачьих рядов и достижение того идеала, за который погиб Н. С. Рябовол — достижение казачьей государственной независимости, осуществление программы ВК.

ЧУЖИНЕЦ.

Победа Империи над Пугачевым и казачеством и расправа с яицкими казаками

Присоединение Дона к Пугачеву было — бы последним шансом на успех и для «амператора», и для яицких автономистов, во власти которых был Пугачев.

Более или менее значительную группу донцов Пугачев встретил лишь у Царицына, сперва (19 авг.) на р. Мечетной, а затем у самой крепости.

На Мечетной авангард Пугачева был довольно успешно отражен отрядом полк. Федора Кутейникова, к которому присоединились полковники Вас. Маньков, Карп и Мих. Денисовы. Кутейников был ранен и взят в плен, полк его поколебался и стал отступать. Хорунжие полка Грекова, Крапивин и Терентьев преклонили пред Пугачевым «хорунгу» и увлекли за собой до 400 чел. казаков. Остальные отступили в Царицын. Полковники донесли коменданту Цыплетеву, что некоторые из их «подкомандных» показали «такую трусость, что и прочих смешав мысли, нанесли страх такой, что мы об истреблении от казаков злодея надежды не имеем».

Дело было, конечно, не в трусости, а в сомнении, в которое впали казаки, с кем им идти?

Пугачев потребовал к себе пленного Кутейникова, помянул о родстве его с собою (т. е. не с «амператором», а с казаком Пугачевым), опросил его, он — ли разорил дом Пугачева и сможет — ли он узнать «Пугачиху»(1). Когда она пришла, он сказал: «Вот Пугачиха». Кутейников сказал: «Я ее никогда не видывал». Затем Кутейникова увели, а Пугачев (как он показывал позже на допросе) сказал: «Завтре Кутейникова — та повьсьте»(2).

«Сомнение» казаков в Царицыне выразилось в «упадке духа» и в стремлении «к отступлению в дома»,

1) Интересно, что Пугачев назвал жену свою не по канцелярски (Пугачевой), а «по уличному» и, именно, по украински (Пугачихой), ибо и сам «по уличному» звался Пугач.

2) Кутейникова тот час же расстреляли, но неудачно: свалившись в буграх, он через 2 часа очнулся и успел бежать «Восст. Ем. Пуг.», сб. док., 1935, с. 175; Дубровского, т. III, с. 242.

т. е. на Дон. Донским полковникам пришлось просить коменданта поставить казаков «под прикрытые», «и содержаны были под крепостью в одном буераке под пушками». По показанию яицкого казака Творогова, «пришед в Царицын, посылая злодей к валу потребовать несколько донских казаков на переговоры», а затем, «скинув с себя свое платье и надев (платье) яицкого атамана А. Овчинникова, для того, чтоб не узнали, ездил сам на переговоры, человеках во сте», но тут лишь «передалось к нам в толпу донских казаков только пять человек, а протчия все от'ехали от вала к городу».

Тогда артиллерия Пугачева начала обстрел крепости. Во время бомбардировки «донския казаки от'деляя от города, присоединились к нашей толпе человек до тысячи, ибо у них было десять хорунгов».. (3). Передалось в этот момент к Пугачеву до 1.200 чел. донцов. Но тут стали обнаруживаться факты, которые привели в отчаяние тех яицких сообщников Пугачева, которые верили, что это подлинный Петр III. Во-первых, «один донской казак во время помянутой переговоров, кричал с вала (Пугачеву), громко: — «Емельян Иваныч! здорово!» — затем, «когда донския казаки в толпу передались», то Пугачев, «проезжая мимо их, напротив своего обыкновения, отворачивая от них лицом, а из сего и догадывались, что делал ето для того, чтоб они ево не узнали». У многих яицких казаков при этом «руки у всех опустились и не знали за што приняться». Что касается передавшихся донцов, то среди них началось повальное бегство от Пугачева. За 2 ночи ушли почти все.

Впоследствии (22 окт. 177 г.) Екатерина II с удальствием писала Вольтеру: «так как у ген. Панина было много донских казаков и так как войска этой нации (les troupes de cette nation) никогда не клонили на удочку этого разбойника» (brigand) то казачье происхождение самозванца «было вскоре — же удостоверено соотечественниками Пугачева». Екатерина II не ошиблась в оценке факта. Именно, обман самозванства и погубил Пугачева в момент встречи его с донцами.

Ночью (с 21 на 22-ое авг. 1774 г.) пришла весть о приближении с севера регулярного воинского отряда. Пугачев подумал, что «идет кн. Голицын или Михельсон, коих он оробел, потому што надежных в его толпе людей осталось, то есть яицких казаков, мало». Поэтому он, «удаляясь от драки, и пошел, оставя Царицын мимо, ибо прямое его намерение было, штоб, дошед до Черного Яру, итти прямо в Яицкой город и тут остаться зимовать, о коем его намерении знали только Овчинников и Давилин, а в толпе своей он разглашал, што будто б зимовать он идет в Астрахань, для того, што толпа его вся охотнее туда итти хотела, а на Яик — бы охотников итти было мало, а донские — б и волские казаки да и царицынские совсем от него отстали, равно заводские и боярские крестьяне, потому што он уже о склонности их итти в Астрахань через яицких казаков ведал» (4).

Пугачев признал на допросе, что в ту роковую ночь под Царицыным, «Когда донские казаки пришли в его толпу, то многие тут были и знакомые ему, и, его узнавши, между собою шептались: «Это наш Пугачев», но однако — жь ни один из них в глаза назвать ево не смел»..

Через 3 дня, когда у Пугачева из 20 тысяч оставалось не более половины, его нагнал Михельсон. Несмотря на отличный порядок и упорство пугачевской артиллерии, Михельсон, как он лично доносил, «со всею кавалериею ударился на варворскую толпу». Он признавал, что и Пугачев делал со своею конницею храбрый контр — атаки, но все же был разбит. С Пугачевым ушло до 1.000 чел. Убито было более 2 тыс., взято в плен 6 тыс. чел., «в числе коих четыре ис первых злодейских сообщников и две маленьких девок, Пугачова дочери»..

Не доезжая 20 верст до Черного Яра, Пугачеву удалось перебраться на тот берег Волги. При нем остались сын, жена его (донская) и 200 чел., из них 196 яицких казаков.

Интересно отметить, что Михельсон не погнался в

степь за Пугачевым. 29 августа 1774 г. он доносил Панину, что возвращается в Царицын «для примечания тамошней околочности» и добавлял: «И не допусу колебатца Дону и Дербетевским калмыкам». Последнее, покинув Пугачева, двинулись к Дону, «где делали великия грабительства».

Михельсон доносил, что «изменников из Донского и Волского войска, по представлению начальников, во страх другим, приказал повесить шесть человек. На Дон, — продолжал он, — я приказал отпустить со всех полков по несколько человек, для подкрепления мыслей колебавшихся». Как мы видим, опасения со стороны начальства за благонадежность донцев, даже после разгрома Пугачева, не ослабевали (5).

Прискакавший из действующей армии Суворов приказал ген. — м. кн. Багратиону, находившемуся с семью гусарскими эскадронами у станицы Голубинской, итти к Царицыну (3 сент.). Отправляясь затем в Яицку, Суворов предписывал Багратиону «иметь пронизательное око» на оба берега Волги от Дмитриевска к Астрахани и одновременно «обнимать своим бдением Кубань, Дон и калмыков и воображать себе побег Пугачева, могущий быт к Таману» (8 сент. 1774 г.)

Кое какие сбывки точных сведений о желании Пугачева, при неудаче на Дону, итти на Яик, доходили уже до начальства. Еще 1 авг. 1774 г. ген. кн. Щербатов доносил Екатерине II-й, что он узнал от яицкого казака, «воеводы» в Курмыше, что «злодей никуда более столь не желает уклоняться, как к Яику, и будто туда посылал и имеет уже от казаков ответ, что они во время пребывания ево, готовы к нему пристать». Сведения эти были абсолютно точны.

Сменивший Щербатова кн. Голицын собрался 18 авг. отряд полк. Якубовича «подвинуть к Оренбургу и часть его detachmentу отделить к Яику». «Предвижу, — писал он П. С. Потемкину, — что сей угол, противу протчих, всех более опасности подвержен, в рассуждении, что у полк. Симонова не бле в гарнизоне под ружьем двухсот человек регулярных» (6). дант имперского оккупационного отряда в Яицком городке. За несколько дней до того Голицын жаловался Панину, что ген. Мансуров оставил «в гарнизоне на Яике две полевых некомплектныя легкия команды с полк. Симоновым». «Пугачевщина», т. III, с. 296 и 288.

Наконец, 7-го сент. тот — же Голицын, переправившись со своим отрядом через Волгу, «двинулся по р. Иргизу, торопясь к Яицкому городку, чтобы не дать возможности Пугачеву вновь усилиться казаками» (7).

Полковник же Симонов в Яицке, узнав о разгроме Пугачева Михельсоном при Купецкой ватаге на Волге, принял меры, чтобы Пугачев не мог переправиться через Яик на бухарскую сторону. Мысль о том, чтобы Пугачев мог вновь поднять яицкое казачество, и не приходила ему в голову (8).

Пугачев несколько раз совещался со своими спутниками во время блуждания по Узеньям. Сперва, еще на Волге, звал остаток своего отряда на Терек, в Моздок, но туда никто не пожелал итти. Тут — же возник у него план: «пришедши на Яик, итти на трухменский кряж», а оттуда в Персию.

Близ урочицы Александров Гай на Бол. Узени созван был снова совет, и на нем снова предложен был план итти на Астрахань, где — говорил Пугачев, — «приумножатся мои силы, ибо мы с Яицкими, и Донскими, и Терскими, и Гребенскими казаками соединимся, кои, как скоро узнают, что я завладел Астраханью, то присоединятся к нам».

Проектировал Пугачев итти в Сибирь, и тоже безрезультатно: яицкие казаки рвались домой.

Уговаривал Пугачев спутников, «чтоб взбунтовать паки по нижней Яицкой дистанции казаков, взять гор-Гурьев, сесть на суда и плыть морем в неподвластные России орды, подбить оные и паки вселиться в сердце своего отечества». Чумаков уверял впоследствии, что он ответил Пугачеву, что «против отечества» своего с чужими ордами воевать не может». На последнем сове-

5) «Пугачевщина», т. III, с. 310.

6) «Пугачевщина», т. III, с. 295, Симонов — комен-

7) Дубровин, т. III, с. 255.

8) Грот. «Мат. для ист. Пугач. бунта», 1875, с. 86.

3) «Пугачевщина», т. II, с. 152 — 153.

4) «Восст. Ем. Пуг.», сб. ст., 1935, с. 175—176.

щани с товарищами Пугачев просил: «проплывем к Некрасовцам (из Гурьева, морем), где нас с великой радостью примут». Таким образом, мысль Пугачева вновь обращалась к тем донским политическим и религиозным эмигрантам, которые в XVIII-м и в начале XVIII-го в. поселились на Кубани. Но яицкие казаки знали лишь один путь — домой (9). А так как при Пугачеве были они одни, то он вынужден был за ними следовать.

Между тем, на Яике произошли события, оказавшие большое влияние на состояние духа яицкого казачества. С 16-го апр. 1774 г. там был возобновлен режим оккупационных имперских властей. Большое количество яицких казаков содержалось в Казани, где действовала секретная комиссия ген. П. С. Потемкина, в Оренбурге и в самом Яицке. Однако, Потемкин имел особое поручение Екатерины II «открыть начальные причины родившегося бунта на Яике». Екатерина желала **знать правду**. Кроме того, она дала понять Потемкину, что крайнее озлобление яицкого казачества должно было быть вызвано какими то **реальными** причинами.

Не имея возможности покинуть Казань, П. С. Потемкин отправил на Яик гвардии капитан — поручика Савву Маврина. Он должен был уверить яицких казаков, что он (Потемкин) «имеет власть исправить все их беспорядки». 31 июля 1774 г. он писал Маврину: «Число яицких казаков (арестованных) у вас весьма довольно, они все почти равную заслуживают смерть, но можно — ли столь много казнить вдруг?!...». Поэтому Потемкин предписывал Маврину обещать казакам пощаду, «если они истинное раскаяние возвещают».

Роль П. С. Потемкина в пугачевском деле — определенная: это он был руководителем кровавого следствия и определил степени наказания не только по делу, решенным в Казани, Оренбурге и Яицке, но и по делу Пугачева и его главнейших помощников, производившемуся в Сенате в Москве. Эту роль он сыграл без колебания и раскаяния. Поэтому особенно характерны были указания, данные им Маврину — умиротворить Яик более мерами кротости и прощения, нежели — строгости.

Маврин, появившись на Яике, повел себя иначе, нежели многие другие представители имперской власти. Он созвал казачий круг, — то самое народное собрание, которое так не нравилось местной старшине и российским генералам. На Круге он прочитал воззвание П. С. Потемкина. Из него казаки узнали, что императрица повелела ему «исследовать и изыскать **точные** причины родившегося толикого зла в несчастном крае славно Е.В. Империи, стараться искоренить и пресечь как самое сие «зло (очевидно, восстание), «так и источники, могущие **угнетать и оскорблять народ**, ежели они случиться могли-б»...».

Потемкин «заклинался... иметь предметом себе единую святую истину». Он приглашал яицких казаков («россиян несчастного сего края») «поднять руки на самого злодея, свергнуть с себя иго Пугачева, заверял, что «императрица готова даровать пощаду»...

Маврин освободил из тюрьмы «менее виновных», и этим пробудил в сердцах укрывавшихся от карательных отрядов казаков надежду на амнистию.

Между тем, Потемкин прислал новое воззвание, в котором изображал Пугачева анархистом и убеждал яицких казаков не отказываться от службы для обороны Империи. «Жители, за которых помирали войны (в вой-

не хотят давать дани для содержания солдат защитителей своих, но и ополчаются противу их, изменяя отечеству».. «Где делась клятва и присяга ваша, чтоб проливать кровь свою за право нашей великой монархии»..

П. С. Потемкин считал нужным помянуть и Законодательную Комиссию 1767 года: «Видя недостаток законов (Екатерина II), положила в сердце своем для искоренения всякия неправды сделать новое Уложение, призвала избранных от вас на объяснения каждого надобности. О, сколь свято намерение сие!... Прекращение деятельности Комиссии произошло не по воле Екатерины II: «враг веры и закона возмущил и попрепятствовал совершенно оного» (намерения). «Султан... объявил войну»..

Сделавши намек на возможность нового созыва народных представителей в обще-имперском масштабе, Потемкин зывал: «Враг общества и бунтовщик Пугачев прельщает вас мнимой вольностью».. Упомянувши, что «война (с Турцией) окончена, воинство со всех сторон стекается, меч подымется на казнь преступников», Потемкин призвал послушать «глас великой государыни: придите с повинением и все воспримите помилование»..

Объявленное снова в Кругу второе воззвание Потемкина имело успех: начались явки укрывавшихся. Из яицкого продовольственного магазина была роздана треть запасов муки (1.000 четвертей), причем, не только семьям верных, но и «виновных» казаков. Между тем, Маврин не только допрашивал пугачевцев, но и производил широкий опрос казаков о причинах прежних волнений на Яике.

Весть о новой политике на Яике дошла до спутников Пугачева и укрепила их в мысли снискать себе прощение выдачей их вождя.

История о том, как Пугачев был связан и, закованный в колоду, ровно через год после отправления своего из Яицка, вернулся в столицу Яицкого войска; как он был отвезен в Москву и казнен, в общих чертах известен. Равно известна и судьба главнейших сообщников его.

Для суда по делу о Пугачеве было создано особое «Собрание» из Сената, Синода, «персон первых трех классов» и из президентов коллегий. Им была составлена 31 дек. 1774 г. «решительная сентенция», а 10 янв. в Москве, на Болоте состоялась «эззекуция», за каковой последовало обнародование «объявления во всенародное известие» (неизвестно от кого, чтобы не помянуть Екатерины II, имя которой пришлось бы подписать под манифестом или под указом). «Объявители» не решились сказать народу всей правды о крестьянской программе Пугачева и об истинном характере яицких происшествий. Не жалея эпитетов по адресу «Емельки» («бунтовщик, самозванец, мучитель, изверг рода человеческого, злодей, губитель» и т. д.), авторы «объявления» сообщали, что Пугачев «изменическое и бедственное его дерзновение возмутить яицких казаков возмечтал начать» не в смысле самозванства, а «узнав несогласие между яицких казаков...», старался яицкое войско, находившееся тогда в междоусобной, по делам до них касающимся вражде, уговорить к побегу на Кубань». «Объявители» умалчивали, что «междоусобная вражда» на Яике носила острый социальный характер, что борьба шла между местной массой и старшинской аристократией, и что самодержавие, в угоду старшине, давило народную партию, заливало кровью Яик.

По «объявлению» выходило, что сперва Пугачев мечтал стать атаманом «отборной шайки» и с нею разбойничать. «Но как усмотренная им в одних мерзостная склонность ко всякому злодеянию, а в других просто-

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ САМОГО СЕБЯ—ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. — ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШАЯ СЛУЖБА СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

9) «Русс. Стар.» 1870, т. II, с. 338, 341, 492; Грот. «Материалы», ном. 4, с. 67, 69, 127; Допрос Пуг. «Кр. Арх.», с. 90.

не с Турцией), в смятении и буйстве своем, не только

та, далеко превосходили самое его ожидание и расположение», то он и принял имя Петра III. Пойманный, он бежал, «паки явился» на Яике, объявил себя царем и в том свирепее пускался в такие предприятия, успехом коих чаял сообщников своих, к злодеянию склонных, ободрить, а престоков самую дерзостию еще более привести в ослепление... «Первое его стремление было схватить и разорить Яицкий город, поелику мщение сообщников его на гибель собратий своих по причине вражды побуждало»...

В чем была причина вражды, «объявители» умалчивали. Сообщниками Пугачева были казаки, кроющиеся от правосудного наказания, но за что и кем они должны были быть наказаны «объявители» не сообщали, равно, как не говорили, почему Пугачев стал «далее простирать свои злодеяния». Оставалось тайной, каким именно «несовместным обещанием» оболщал он «слабомысленных людей», и кто были эти «слабомысленные люди». «Объявители» удивлялись великому числу «безумцев и простаков», следовавших слепо за Пугачевым и яицкими казаками, «яко овцы заколечения». Они скорбели о «правоведно - огорченных» дворянах, которые «за многие предательства на своих крестьян взыскуют достоящего им умирения; а сии слепцы... впадают в отчаяние»...

По мнению «объявителей» должно бы было «злодею предать лютейшим мукам и казням», да большая часть «из лютейших злодеев приняла уже свое воздаяние, то на сражениях, то правосудием, на самых тех местах в действо произведенным».

Засим шел приговор. Отметим, что подавляющее большинство судившихся в Москве, в «Собрании» Сената и т. д. были казаки. Пугачев должен был быть четвертован (на самом деле палач, по особому тайному приказу, отрубил ему сперва голову, а потом уже руки и ноги, а не наоборот).

За ним шел яицкий казак Аф. Перфильев, приговоренный к четвертованию и обезглавленный вслед за Пугачевым. Ему ставили в вину, между прочим, слова, что «он лучше желает живым быть зарыту в землю, нежели отдаться в руки» екатерининским чиновникам. Яицкий казак Ив. Чика (он же Зарубин, он же «граф Чернышев») выслушал свою «сентенцию» рядом с Пугачевым, но казнен уже в Уфе.

Повешены были: яицкий казак Макс. Шигаев, наместник «амператора» под Оренбургом; оренбургский казачий сотник Подуров и оренбургский казак Вас. Торно. «Объявление» умалчивало, что Подуров был депутатом Законодательной Комиссии 1757 г., по закону не подлежащим телесному наказанию: он был наказан за «развратительные» письма к казакам и за «угрозы» письма к чиновникам.

Пять человек были висечены кнутом, с постановлением знаков и урванием ноздрей, и посланы на каторгу, из них три яицких казака: Вас. Плотников, Ден. Караваев, Гр. Закладнов, один инородец — мешеряцкий сотник Канзафар Усаев, и ржевский купец Долгополов. Казаки эти были из первых, ездивших к Ереминой Курице, и «признавших» у него «амператора».

Висечены были кнутом с урванием ноздрей и сосланы на каторгу три человека: казаки Яицкие Ив. Почиталин — М. Горшков — «производители письменных дел» у Пугачева. На поселение, урванием ноздрей, и висеченные кнутом посланы были один ссыльный крестьянин, один «пахотный солдат» (Оболяев, он же Еремина Курица) и восемь яицких казаков (Тим. Мясников, Мих. Кожевников, П. Кочуров, П. Толкачев, И. Харчов, Тим. Скачков, П. Горшенин, Панкр. Ягунов).

Наконец, легкому, но совершенно незаконному наказанию подвергся «за легкомысленное прилепление к толпе злодейской» сотник Астраханского конного полка и депутат Законодательной Комиссии Вас. Горский. Нужно заметить, что его истязали на допросах и драли плетью в Астрахани. В Москве его «лишили депутатского звания и достоинства» (10).

Обе жены Пугачева (донская — Софья и уральская

10) Нужно сказать, что и в Казани был лишен депутатского звания выданный башкирами и приговоренный в каторгу в Двинский Порт депутат Гавр. Давыдов. Он был заколот в казанской тюрьме.

— Устинья) и дети от первой были «отдалены без наказания» по усмотрению Сената (их поселили сперва в Выборгской, а потом в Кексольмской крепости в Финляндии, где уже в 1803 г. на них наткнулся случайно Александр I, повелевший их освободить) (11).

Наконец, девять чел. казаков были от наказания освобождены, о чем им весьма умирительно сообщили в Кремле, у Грановитной Палаты, 11 янв. 1775 г. Пятеро из них схватили и выдали Пугачева под Яицком. Это были: илецкий казак Ив. Творогов и яицкие: Ф. Чумаков, В. Коновалов, И. Бурнов, А. Федулов, четверо, все яицкие (Пустобаев, Кочуров, Я. Почиталин — отец «статс-секретаря» — и Сем. Шелудяков) явились своевременно с повинной в Яицке (12).

Выше, в одной из предыдущих глав, мы подсчитали, как велико было число жертв пугачевского восстания среди казачества. Умирение и экзекуции продолжались еще полтора года, особенно в Башкирии на Урале и по Волге. Народная партия на Яике была обескровлена, «милости» Екатерины через Маврина спасли ее от окончательного и полного физического истребления.

Подводя итоги пугачевщине, можно сказать, что, как ни высоко расценивать личность и роль самого Пугачева, нельзя не признать, что его предприятие могло осуществиться лишь потому, что его поддержала народная («войсковая») партия подавляемой Империей Яицкой республики. Для яицких казаков это был акт отчаяния. Местное народоправство, но без помощи местной — же аристократии («старшинской» партии) было уничтожено. Защитники народных прав, присужденные к тягчайшим наказаниям за кровавое восстание 1772 г., бродили в степи в дали от родных станиц. Терять им было нечего. И все же высоко дерзостной была попытка их напасть на Империю, посадить на престол иного сюзерена, более благосклонного к охране прав окраинной республики воинов и рыболовов.

Во исполнение этого замысла казачество постаралось вступить в союз с другими казачьими войсками, со служилым казачеством Империи, с окраинными народами, наполовину или полностью покоренными, наконец, призвать на помощь угнетенные народные массы Империи — крепостных крестьян — помещичьих и заводских. Отклик на призыв оказался потрясающим, хотя и хаотическим.

Имперские войска со середины XVIII в. «узнали дорогу» на Яик; генералы из Петербурга и Оренбурга стали насильственно решать на Яике дела яицких казаков. В ответ на это яицкое казачество пошло насаждать казачьи порядки в Империи, опрокидывать ее общественный порядок, истреблять ее правящее сословие, освобождать ее угнетенные массы.

Вступая в союз с казачьей аристократией, российское самодержавие не было очень уверено в ней. Войсковой атаман на Дону (Степан Ефремов) в 1772 г. попытался бороться с Империей, опираясь на автономистские стремления донских казаков, поддержать казаков в борьбе против насаждения «регулярства». Старшинская партия на Яике не могла ждать от Пугачева ничего добра для себя. Но уже по прошествии 6 месяцев со дня начала восстания, генералы, боровшиеся с Пуга-

11) Прямой потомок Пугачева и сына его Тимофея, Петр Александрович Д. эмигрировал с донскими казаками в 1920 г. во Францию, где и живет сейчас.

12) Судьба их оказалась несветлой. Г. А. Потемкин отказался допустить их в Новороссию и их послали в Лифляндию с тем, чтобы они «внутри России ни для чего отпускаемы до будущего указа не были, да Яицкими казаками во всю жизнь свою себя не называли, а именовались бы переведенцами». В конце 1775 г. посланный от них на Яик кр. Журавлев сказал там, от их имени, якобы «Пугачев поныне еще живые». «Чрез то подали они причину сомневаться, дабы они через переписку с Яиком не сделали вновь в войске возмущения». Екатерина II повелела отослать Журавлева в тайную экспедицию, воспретить переведенцам переписку с Яиком и сношения с проживавшим в ссылке в г. Пернове крамольным войска Донского войсковым атаманом Степаном Ефремовым. Сборн. «Осмадц. Век», т. I, 432. Освободил их из Пернова лишь Александр I-й.

чевым, чувствовали, что, если ящички старшины не с Пугачевым, то они не особенно — то и с Екатериной II. 2-го марта 1774 г., первый главнокомандующий против — пугачевских войск, Бибииков, писал императрице из Казани: «признаюсь, что не имею я отнюдь доброй мысли, ниже заключаю что либо хорошее и о так называемых «послушной стороны» казаках: действия их в нынешних обстоятельствах тому не отвечают. И с вероятностью заключить можно, что они более со злодеями связаны и сообщаются, нежели должно. В сей мысли утверждает меня более то, что к сближившимся к Яику войскам из них ни одного выхода нет. Какая — ж бы злодеям была возможность так удержат благонамеренных, ведь реку Яик окружить не так удобно, как Оренбург, однако, нет ни одного выходца» (13).

Оказывалось, что у Яицких казаков, расколовшихся на две враждовавших группы, были весьма многие общие интересы, которые не совпадали с интересами Империи. В июле 1774 г. разыгралась история с казаком Аф. Перфильевым, который приехал с Яика к кн. Гр. Орлову, с предложением от атамана Андр. Афанасьева, сотника Никиты Иванова, полк. Гр. Леонова и 324 чел. яицких казаков — захватить и выдать Пугачева. «Только пожалуй, — писал Перфильев Орлову, — доложи государыне, чтоб нам, Яицким казакам, рыбною ловлею изволила приказать владеть по прежнему» (14). «Послушные» казаки желали получить от Екатерины то же самое, что им широко обещал в своих манифестах и Емельян Иванович.

Вполне понятно, почему Екатерина II, посылая на Волгу ген. - м. П. С. Потемкина, давала ему (11 июня 1774 г.) инструкцию: «при производимых допросах и следствиях поручаем вам главнейшим попечением: 1) узнать и открыть истинное познание о тех прямых причинах и междоусобной оных связи, кои произвели только зло в той части империи нашей, а особливо в Яицких жилищах, яко в первоначальном гнезде оногo; 2) изыскать на месте лучшие и удобнейшие средства к совершенному искоренению тех вредных причин и 3) изобрести новые и надежнейше для передо положения, на которых можно бы было основать и установить по-

селянский порядок и повиновение возмутившегося яицкого народа» (15).

П. С. Потемкин должен был и принять и содержать в особенном своем ведомстве и команде всех возвратившихся и возвращающихся в повиновение Яицких казаков и. устроить между ими и в их жилищах повиновение, тишину и спокойство до того времени, пока от нас решительное впредь положение о них учинено будет».

Мы знаем уже, что капитан - поручик Маврин отлично исполнил желание императрицы и поручение Павла Потемкина и представил свой доклад, высоко объективный и правдивый, Потемкину еще до взятия в плен Пугачева (16). Потемкин 15 сент. 1774 г. послал Екатерине большой доклад о Яицком казачестве, целиком основанный на данных Маврина, но со своими довольно красочными характеристиками. Он добавлял: «готовлю я теперь «положение» для Яицких казаков, дабы впредь могли они, пребывая спокойно и безмятежно, заглядить должною подданническою ревностью вину свою» (17).

Однако, законодательная упрямия Павла Потемкина были прерваны получением вести о пленении Пугачева. Надо было спешить в Москву, руководить следственным делом о Пугачеве в тайной экспедиции. Еще раньше снялся из Яицка кап. - пор. Маврин, писавший уже 21 сент., что в Яицке он уже «дела по комиссии своей не предвидит»...

Решение дела об Яицком войске воспоследовало уже в центре, после казни Пугачева. Казачьи дела стал вершить Гр. А. Потемкин, в июле 1774 г., назначенный начальником всей легкой кавалерии и иррегулярных войск. Ему были подчинены: казачьи войска — Донское, Яицкое, Волжское, Астраханское, Оренбургское: казачьи полки: Хоперский, Моздокский, Азовский, Таганрогский, Кизлярский, Чугуевский, Тобольский и — крепости св. Димитрия Ростовского.

В начале окт. 1774 г. Гр. Потемкин послал на Яик «публичный лист», в котором «Войска Яицкого атаману Бородину, всем того войска чином и каждому особо»

15) Дубровин, т. III, с. 50.

16) Доклад Маврина напечатан в 1871 г. в «Заре», кн. 10 и 11; в «Памятниках нов.-русс. истории» Каштирева, т. II, 1871 г., с. 251 - 285.

17) Грот. «Мат.», 1875, с. 77-97.

ВОПРОС МОИМ «ПРОТИВНИКАМ ПО НЕДОРАЗУМЕНИЮ».

В 7 номере (13) оппозиционного журнала «Казакія» напечатан под заглавием «Характерная мелочь» по моему адресу очередная бред г. Шамбы Балинова (обрушился на меня за заметку в номере 194-м «ВК» — «Стоило ли ломать копы!»).

Зная хорошо г. Балинова, я давно уже перестал признавать за его писаниями какое бы то ни было политическое или общественное значение. Несобираюсь, помня басню Крылова, реагировать на его «выступление» и сейчас. Привык я уже и к «полюемике» журнала «Казакія» и не жду оттуда ничего хорошего при всех обстоятельствах. И если сейчас хочу сказать пару слов, то исключительно для тех казаков, кого г. г. оппозиционеры не успели отравить еще окончательно, в ком не успели заглушить казачьей совести. Пусть они прочтут мою заметку «Стоило ли ломать копы!» в 194-м номере «ВК». Пусть они прочтут «Характерную мелочь» г. Балинова в 7 (13-м) номере «Казакіи», но пусть они прочтут еще в той же «Казакіи» в номере 3-4 (9-10) и их такую заметку:

«Высокосный год несет неожиданности: 29 февраля с. г. на банкете добровольцев выражали казачьи симпатии и верность добровольцам: ген. Малышенко и ген. Тарарин, передавший, к тому же, привет от ген. П. Х. Попова: «всей душой чувствующего себя в добровольческой среде». Вчерашний кандидат в Донские Атаманы, один из учредителей Донской Конституции, ныне бьет челом покорности русской идее, забывши казачью идею и среду. — Из газеты «Последние Новости» от 5-III-1936 г.»

— Эта последняя заметка писана, если не самим Балиновым, то его ближайшими единомышленниками и напечатана в органе, в котором г. Балинов играет одну из решающих ролей.

А теперь я обращаюсь к читателям «Казакіи» с вопросом:

Как вы думаете, есть ли предел разнузданности и неискренности, недобросовестности и политической нечистоплотности г. г. Балинова и редакторов «Казакіи»?

Или вы все слепые и глухие — сами ничего не видите и не слышите?

Господину Балинову и его друзьям делать сейчас нечего, кроме как ругать Билого. Ну, а вы так ли уж в том заинтересованы? Неужели и вы думаете, что грязью и помоями можно сделать хорошее дело?

И. Билый.

1) Грот. «Матер», 1862, с. 32.

14) «Осмн. Век.», т. I, с. 244.

изъявлял благодарность за верность во время пугачевщины. В день казни Пугачева он представил Екатерине доклад, одобренный ею, а 15 янв. 1775 г. был дан указ Сенату: «войско именовать Уральским и впредь Яицким не называть, равно и Яицкому городку называться отныне Уральск». Река Яик переименована была в реку Урал. По мысли Потемкина это должно было способствовать «истреблению из памяти» и преданию вечному забвению всего произошедшего на Яике.

17 апр. 1775 г. Потемкин представил «на состоящую в Уральском войске войскового атамана на ваканцию войскового старшину и армии майора Ив. Акутина, управлявшего во время отсутствия покойного войскового атамана Бородина».

Потемкин, не чувствуя, конечно, оригинальности своей аргументации, пояснял, что Акутин «не током народную в том войске доверенность имел, но и всего командующего в той части генералитета приобрел похвалу». Он просил для Акутина чин «армии полковника» и медаль (18).

Атаманство Акутина было недолговременно. В 1776 году, по представлению оренбургского губернатора Игельстрома был назначен наказным атаманом Уральского войска Дм. Донсков, донской казак, который уже при Екатерине II был сослан в Сакмарский городок за возмущение, произведенное им на Дону. При назначении он был произведен армии в премьер — майоры, в 1790 г. получил чин армии полковника и был утвержден войсковым атаманом. В 1797 г. он был сделан генерал-майором и в 1798 г. ушел.

Повидимому и Павел, и Григорий Потемкины, и Екатерина II пришли к мысли, что для Империи будет выгоднее мириться с сохранением на Яике хотя-бы внешности «старых упавших обрядов». Поэтому 9 февр. 1775 года комендантское управление войском было уничтожено, а во главе войска вновь поставлены войсковой атаман и войсковая канцелярия.

Уже этот факт внес известное успокоение в среду уральского казачества, хотя выбор атаманов был заменен назначением (до 1829 г. атаманы назначались исключительно из уральских казаков).

Народная партия была обезкровлена кровопусканием 1772 и 1774 г. г. Последняя четверть XVIII в. была ознаменована пышным расцветом благосостояния старшин «Войсковые чиновники», идя по стопам донских старшин, покупали крестьян и заводили хутора на плодотворной земле по речкам Пашле, Иртеку и другим, протекающим между реками Уралом и Чаганом. Они селили на них купленных, а иногда и беглых крестьян, под именем своих дворовых. Аристократическими фамилиями на Урале стали Акутины, Бородины, Донсковые, Меркурьевы, Мизиновы, Михайловы, Назаровы.

Правительство сознательно воздерживалось от вмешательства во внутренние дела войска, в хозяйственные распоряжки, в дела веры, не трогало старинного «образа служения» (наемки). Один россиянин, посетивший Урал в конце XVIII в., записал в свою тетрадь такую характеристику уральцев: «сия частичка отштетившихся людей, будучи одного языка и одной с нами веры, **держит себя от российского народа в разительнейшем отчуждении**, так что **все российское есть на Урале общий предмет ненависти и омерзения**. Глупо — упорное их изуверство, затворяя к ним все пути людскости и общежития, являет их в целом составе государства людьми как бы дикими и гораздо менее к россиянам дружелюбными, нежели самые иноплеменики, населяющие сей край (19).

Таким образом, несмотря на кровавый разгром уральского автономизма в 1772 и 1774 - 5 г. г., автономизм и даже **сепаратизм** на Урале ничуть не ослабели. Начало XIX века принесло Уралу новые испытания.

Как это ни странно, но с Яицким войском в 1775 г. наиболее поцеремонились. Зато ряд казачьих войск был уничтожен или предназначен к уничтожению. Первый удар упал на Сич Запорожскую. Уже в мае 1775 г. Румянцева писал ген. — поручику кн. Прозоровскому о беспокорстве от «своевольных запорожцев», которые «в

объяснение своих прав» на «Новороссию» входят «больше нежели прилично» в объяснения и споры (20).

Заведение хлебопашества на землях т. наз. «вольностей запорожских» показалось Екатерине желанием запорожцев «расторгнуть самое основание зависимости их от Престола». «Помышляли, конечно, они — писала она, — составить из себя посреди отечества область совершенно независимую под собственным своим неистовым управлением». Поэтому 4-го июня 1775 г. ген. Текели окружил и разоружил Сич, а 3 авг. был дан указ о том, что «нет теперь более Сечи Запорожской в политическом ее уродстве». Одна из крупнейших казачьих республик, связанных с Империей, была ликвидирована, хотя и не принимала участия в пугачевщине.

Оставшихся запорожцев Потемкин стал принимать на службу. Екатерина II писала 10 февр. 1788 г. Г. А. Потемкину: «Что верные запорожцы, верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сьча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное воспоминание; в людях же не знающих — чтобы не возбудилась мечта, будто за нужное нашли восстановить Сьчу либо название» (21).

Присоединившееся поголовно к Пугачеву Волжское войско, 5 мая 1776 г. было повелено переселить на Кавказ. В 1777 г. на Азовско - Моздоцкую линию был переселен Новохоперский полк, (вошедший в 1860 г. в состав Кубанского войска) (22). Застрывших на старом пепелище ново-хоперских казаков Потемкин, вместе с бывшей полковой землей, ухитрился продать, как крепостных крестьян, своему Шемякину (23). Тщетно доказывали они свое казачье происхождение.

Азовский и Таганрогский полки были расформированы и присоединены к войску Донскому в 1775 г., равно как и Дмитриевский — в 1777 году. Сделано было это для успокоения донцев. С другой стороны, тот же Гр. Потемкин был инициатором перестройки управления Доном в централизовском духе. Указом 15 февр. 1775 года, по предложению Потемкина, было учреждено на Дону Войсковое Гражданское Правительство «для правления всех земских дел. Оно должно было «все подлежащие дела производить на **генеральном во всем государстве установлении**», с соблюдением данных оному Войску привилегий». «Присутствие» в Войсковой Канцелярии «старшин» (аристократический совет при атамане) заменено было «Присутствием» шести человек старшин, из них двух — по «выбору» Потемкина, и четырех по общему «выбору» погодно». Таким образом не только народное собрание в лице Круга утратило власть над администрацией, но и не формальный «совет старшин» был уничтожен.

Вместе с тем Потемкин настоял на окончательном и формальном отрешении Ст. Ефремова от войскового атаманства и на назначении в войсковые атаманы Иловачева, одного из усердных преследователей Пугачева.

Порядок, введенный на Дону в 1775 году, был отсрочен (фактически) для Урала на 28 лет. С образованием в 1780 году уфимского наместничества. Земля уральских казаков (с городами Уральском и Гурьевым) была «отделена» к Астраханской губернии (по 1803-й год, когда ее снова поставили в зависимость от Оренбургского губернатора). В 1775 г. было уничтожено право Уральского Войска сноситься с окрестными «ордами», в частности принимать послов от киргизских ханов. В 1782 г. «по ведомству всех пограничных и вольных дел» земля Уральских Казаков была причислена к Уфимскому и Симбирскому генерал- губернатору. Гражданские дела остались за астраханским губернатором. Эта то административная череполовица и послужила поводом к тем реформам в начале XIX в., которые вызвали новый взрыв возмущения среди уральцев.

Царствование Павла было ознаменовано уравнением «в рангах» донских войсковых «чиновников» и уральских «войсковых чинов» (по просту говоря, старшин) с армейскими. Это уравнение дало законное право стар-

20) Дубровин «Присоединение Крыма», т. I, с. 27.

21) «Русск. Стар.», 1876, ном. 7, с. 456.

22) Дмитренко, т. I, с. 916.

23) «Архив Раевских», т. I, с. 590.

18) Сб. Р. И. О., т. ХУП, с. 37.

19) Рукописный сборник П. Г. Буткова. Попко «Тер. казаки», с. 171.

шинам на владение крепостными. Другим интересным актом была посылка на Урал Рунича для ознакомления с таможенным положением раскола.

Александр I, указом Сенату от 25 февр. 1802 г., повелел рассмотреть существующие положения в Уральском войске и составить проект нового управления по военной и гражданской части. Руководящей идеей реформы должна была стать организация на однообразных началах управления в войсках: Донском, Уральском и Черноморском. В связи с этим министры внутренних дел и военно-сухопутных сил сделали Александру I совместный доклад (1803 г.). «Неудобства, — писали они, — с настоящим положением Войска Уральского сопряженные, многие в нем злоупотребления не-правильность в упражнении власти исполнительной, в

одном лице Атамана соединенной, безотчетное почти употребление общественных доходов, бездействие полиции, пристрастное отправление правосудия, угнетение слабых и послабление виновных: все сии обстоятельства разными донесениями обнаруженные и до Высочайшего сведения доведенные, были признаны досточочными побуждениями дать Войску сему по части управления его, лучшее образование».

В таких выражениях, самодержавие критиковало порядок, продержавшийся на Урале в течение 27 лет с момента усмирения пугачевщины. Оно готово было вновь ограничить местную автономию, введя более точный бюрократический порядок, наиболее приближающийся к общеимперскому образцу. Уралу предстояли новые испытания.

А. ЛЕНИВОВ.

Слободское казачье войско

Усиленная пропаганда католичества, ведшаяся польской шляхтой в первой половине XVII ст., заставила бежать многих казаков с Украины и поселяться в степях, расположенных по рекам Суле, Песлу и Ворскле, служивших кочевьями для крымских татар. Московское правительство разрешая украинским казакам селиться в безлюдных степях, примыкавших к южной окраине Московского государства, требовало, чтобы казаки селились целыми слободами, почему означенный район получил официальное наименование Слободской Украины (1).

Указ от месяца июля 1649 года (2) гласил следующее: «Черкас, которые с Литовской стороны прибудут в Путивль на государево имя, принимать и устраивать в службу от Крымской стороны, и в городах, которые от Литовской стороны, быть им нельзя, потому что от этого можно поссориться с Польшею, да и самим Черкасам жить в этих зарубежных городах, от поляков опасно. Принимать Черкасов женатых и семьянистых, а одиноких, у которых племени в выходцах не будет, не принимать, сказывать им, чтобы шли на Дон, для чего давать им прохождение памяти». В общем счете, в период 1640 — 1645 г. г. в пределы Слободской Украины вселилось свыше 10 тысяч казаков, в 1645 — 1647 г. г. — до 2.000 казаков и наконец в 1650 — 1651 г. г. свыше 8.000 казаков.

Указом от 27 июля 1651 года (3), из казаков названные Черкасами — слобожанами, были образованы Слободские казачьи полки: Сумский, Изюмский, Ахтырский, Харьковский и Рыбинский, иначе называвшийся Острогожским, коим Московское правительство вменило в обязанность охранять южную границу Московского государства от набегов крымских татар и вести наблюдение за Запорожскими и Донскими казаками.

Слободское казачье войско занимало район нынешней Харьковской, части Курской и Воронежской губерний, имея отдельные слободы, по Верховьям рек Песла, Сулы, Береки, Ворсклы, Сев. Дону и Дону (4). Особым образом будет отмечено, что Московское правительство поселило Слободские казачьи полки — Изюмский и Рыбинский (или Острогожский) на землях Донских казаков, отнятых Петром I у Донского Войска после Булавинского восстания 1707 — 1708 г. г., именно, Слободской казачий Изюмский полк занимал слободы — Изюм (крепость), Тиор (крепость), Райгород, Маячка, Святогорский монастырь, Ямполь, Писаревка, Сухаревка, Шебелянка, Краснянка, Кременское, Кабанье, Меловатка, Святолучка, Студенка, Цареве — Борисово, Савмицы, Балаклея, Великое, Андреевка, Бурлей, Лиман, Шелутовка, Мохнач, Волохов Яр, Малиновка, Печенеги, Сеньково, Пристен, Купрюнка, Двуречное, Каменка, Ольховатка, Двильничная, Валуйки: Слободской казачий

Рыбинский (или Острогожский) полк занимал слободы: Каровена, Сенное, Старподетовская, Ливенская, Бурчуха, Усерд, Карлибино, Острогожск, Простянка, Ольшанка, Ольшанск, Подгородное, Белогорье, Осиновые Луки, Новая Беленка, Старая Калитва, Калитва, Богучар, Тулушевка, Бычек, Меловая, Ширяева, Калач, Толы, Белолучка, Осиново, Закатное, Беленькая».

Население Слободского казачьего войска получило военную организацию по образцу т. н. Малороссийских казачьих полков (5), будучи разделено на полки с приписанием к слободам, некоторые из коих впоследствии были переименованы в города. Полки Слободского казачьего войска являлись не только военной, но и административно — территориальной самоуправляющейся единицей (6), будучи управляемы полковниками, избравшимися полковою старшиной на полковой раде (7). Наличный состав полков разделялся на реестровых казаков, обязанных помогать мешанам и крестьянам в работе (8). Московское правительство, подчинив Слободское казачье войско гетману Украины, освободило слободских казаков от внесения всевозможных податей, оброков и пошлин. С упразднением гетманства, Слободское казачье войско было подчинено президенту Малороссийской Коллегии (9). С образованием на Украине в 1781 году присутственных мест в губернских учреждениях, полки Слободского казачьего войска стали впредь управляться одними полковниками (10).

В 1695 году Слободские казачьи полки были взяты Петром I в поход на Азов, откуда возвратились лишь в 1697 году. Считая от 1700 года, Слободские казачьи полки: Ахтырский — Ивана Перекреста, Сумский — Андрея Кондратьева, Харьковский — Федора Донца, Изюмский — Федора Шидловского и Острогожский — Федора Кукош, принимали участие в т. н. «Великой Северной войне» со шведами (11). В эпоху Анны Иоанновны, Слободские казачьи полки участвовали в походах Миниха в Крым и Турцию в 1735 г., 1736 г., и 1737 г., когда половина московской армии погибла в степях от жары, недостатка воды и продовольствия и различных

4) П. Головинский: «Слободские казачьи полки». С. П. Т. 1864 г.

5) Карта Слободских казачьих полков — Харьковского, Сумского, Ахтырского, Изюмского и Острогожского. 1764 г. Изд. Военно-Топографического депо. С. П. Т. 1902 г.

6) П. Головинский: «Слободские казачьи полки», стр. 34 — 39. С. П. Т. 1864 г.

7) Проф. С. Сватиков: «Географическое распределение и количество служилого Казачества». Журн. «Путь Казачества», ном. 36 (129), стр. 16. Прага, 1928 г.

8) Н. Гербель: «Изюмский Слободской казачий полк (1651 — 1785 г. г.)», стр. 10 — 15. С. П. Т. 1852 г.

9) 1-ое полное собрание законов Рос. Имп. т. XVI, ст. 12 277.

10) П. Головинский: «Слободские казачьи полки», стр. 45 — 57. С. П. Т. 1864 г.

11) «Казачьи Войска», стр. 29. — «Справочная книжка Императорской Главной Квартиры», С. П. Т. 1912 г.

1) «Объяснения к карте Слободских полков Харьковского, Сумского, Ахтырского, Изюмского и Острогожского, 1764 г.». Харьков. 1816 г.

2) Соловьев: «История России», стр. 227, т. X. Москва, 1860 г.

3) «Казачье Войско», стр. 29. «Справочная книжка Императорской Главной Квартиры». С. П. Т. 1912 г.

эпидемий, развившихся в Очаковском гарнизоне: большие потери (до 35 проц. наличного состава) понесли слободские казаки (12). В 1734 году Слободские казачьи полки были привлечены к участию в войне России с Польшей. В 1757 году Слободские казачьи полки были посланы в поход в Пруссию, где в битве при д. Гросс-Егерндорфе понесли громадные потери. В том же 1757 году по случаю войны с Пруссией, из слободских казаков был сформирован (13) Слободской гусарский полк, расформированный в начале 1764 года.

В 1731 году Слободские казачьи полки участвовали в отражении набега калмыков под предводительством хана Дондук - Омбо, бежавшего после этого на Кубань (14). В том же 1731 году Слободские казаки были назначаемы на земляные работы для устройства т. н. Старой Украинской линии, начинавшейся от р. Днепра, по речкам Орели и Берестовой, до р. Северного Донца, расстоянием в 268 верст (15).

В 1701 году на территории Бахмутского казачьего городка, Донские казаки открыли солеварни, куда собралось много беглых и «рабочных» людей из Московского государства. От 16-го ноября 1705 года полковник Слободского казачьего Изюмского полка — Федор Шидловский доносил в Москву: «...перешли на ту речку Бахмут также и из иных городов полку его Изюмского и иных Черкасских полков жители Черкасы перешли жить, да и русские всяких чинов и беглых помещиков люди и крестьяне пришли туда: многие — же живут самовольно и службы никакой не служат, а ему — де полковнику чинятся не в послушание, а тот де старый городок Тор учинился пуст и его Государевой и зелейной казны беречи некому и от неприятельских людей великое опасение» (16). Донесением Шидловского предшествовали события, разыгравшиеся на почве борьбы вокруг солеварен, именно, Шидловский, стремясь захватить некоторые участки с соляными угодьями, принадлежавшими Донским казакам, посылал своих слободских казаков для разорения солеварен Донского войска, разоряя казачьи городки последнего по речкам Бахмуту, Жеребцу и Красной. В ответ на этот враждебный акт, Кондратий Булавин Атаман Трехизбенского городка («над солеварями Атаман») разорил в октябре 1705 года все соленые варницы Слободского казачьего Изюмского полка. В дальнейшем, Круг Донского войска не разрешил дьяку Горчакову, прибывшему из Адмиралтейского приказа в июне 1706 года, делать опись разоренных соленых варниц, ибо последние были учреждены слободскими казаками на Донской земле.

В подавлении Булавинского восстания самое деятельное участие приняли именно Слободские казачьи полки, будучи зачислены указом Петра I в состав войск карательной экспедиции князя Василия Долгорукова, посланной усмирять Донских казаков. В июне и июле 1708 года на территории Слободского казачьего войска, происходили сильные бои между отрядами Атаманов Голого и Драного («булавиных») и слободскими казаками, именно, в июне на р. Уразовой, 17 июня у г. Тора, 1 июля в урочище Кривой Луки, после чего бригадир Федор Шидловский донес Петру I, что он с Слободскими казачьими полками, «конклюзию учинил: Бахмут выжгли и разорили», т. е. уничтожили Бахмутский городок Донского войска (17).

Слободские казаки будучи вполне «освоены» Московским правительством, выполняли службу последнему... против Донских казаков... В дни выступления

Емельяна Пугачева (1772 - 1773 г. г.), Екатерина II посылала 1000 «Малороссийских казаков» в распоряжение генерал - аншефа Бибикова, писала последнему: «в сих казаках заметна издавна ненависть к Донским казакам», делая очевидный намек на борьбу Слободского казачьего войска с Кондратием Булавиным!..

В 1721 году, Петр I уничтожив независимость вольных Казачьих войск, не пощадил и Слободское казачье войско, передав последнее также в ведение Военной Коллегии (изъяв слободских казаков из подчинения «гетманскому регименту» (18). Главным командиром (было уничтожено даже наименование «Атаман») Слободского казачьего войска был назначен сначала князь Голицын, далее князь Шаховской (19), коим было дано право производить в армейские чины полковых старшин и представлять на утверждение Военной Коллегии командиров отдельных полков (полковников), выбиравшихся полковой радой. По грамоте (20) Петр I в 1700 году наряд на военную службу от Слободского казачьего войска, был определен в количестве 3.500 человек, между тем как спустя ряд лет, именно в 1721 году, Военная Коллегия выдавала жалованье пяти Слободским казачьим полкам на 16.000 рестровых казаков, обязанных военной службой.

В царствование Анны Иоанновны, ограничение прав Слободских казаков совершалось ускоренным темпом, в связи с учреждением (21) в Сумах «Канцелярии комиссии учреждения Слободских полков», составленной из гвардейских офицеров под общим руководством и начальством князя А. Шаховского. К числу мероприятий, проведенных указываемой канцелярией, надлежит отнести сформирование драгунского полка из казаков Слободского казачьего войска, зачисление большого числа слободских казаков в состав вновь учрежденных ландмилицких (солдатских) полков для охраны Украинской линии, уравнивание полковых старшин в чинах с армейскими офицерами (при определении уплаты постоянного жалованья), увеличение служилого состава Слободских казачьих полков до численности 4200 человек, и наконец обложение денежными податями и сборами всего личного состава Слободского казачьего войска в количестве свыше 100 тысяч человек (22).

С проведением означенных ограничений в жизнь, Слободское казачье войско стало приходить в сильный упадок... а казаки начали разбегаться.

Учитывая пагубные последствия правительственных мероприятий, Елизавета Петровна издала указ (23) в 1743 году о прекращении деятельности «Канцелярии комиссии учреждения Слободских полков», отменила сбор податей с казаков, расформировала драгунский полк, составленный из слободских казаков, но за то увеличила служилый состав Слободских казачьих полков до 5.000 человек.

Чрезвычайная комиссия в составе тайного советника графа Олсуфьева, сенатора Шаховского и генерала Панина, произведя обследование службы и состояния Слободского казачьего войска, казаки коего разбегались, представила Екатерине II проект об упразднении Слободского казачьего войска, которое было упразднено Екатериной II в 1764 году (24), с образованием Слободско - Украинской губернии (позже — Харьковская губ.) на территории Слободского казачьего войска. Слободские казаки были обращены в крестьян и стали отбывать военную службу на общем основании для всех российских рекрутов..

12) Д. А. Корсаков: «А. П. Вольтер», сб. «Древняя и Новая Россия», стр. 110, ном. 6. 1877 г.

13) Д. И. Багалеи: «Экстракт о Слободских полках 1734 г. — Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского гос. в XVI - XVII столетиях», стр. 143 - 148, т. II. Харьков, 1890 г.

14) «Истор. описание одежды и вооружений Российских войск», т. III, сост. Висковатый.

15) П. Головинский: «Слободские казачьи полки», стр. 160 - 161. С. П. Т. 1864 г.

16) «Донские дела 1705 года». — «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные ген. М. Лихиным», т. I - IV.

17) Проф. С. Сватиков: «Россия и Дон», стр. 143. Вена, 1924 г.

18) Проф. С. Сватиков: «Географическое распределение и количество служилого Казачества», журн. «Путь Казачества», ном. 36 (129), стр. 16. Прага, 1928 г.

19) Н. Гебель: «Изюмский Слободской казачий полк (1761 - 1765 г. г.)». С. П. Т. 1852 г.

20) 1-ое полное собрание законов Рос. империи. Т. IV, статьи 1771. 2027.

21) 1-ое полное собрание законов Рос. империи т. IX, статья 66 19.

22) П. Головинский: «Слободские казачьи полки». С. П. Т. 1864 г.

23) 1 полное собрание законов Рос. империи, т. XI, статьи 8809 и 8823.

24) 1 полное собрание законов Рос. империи, т. XVII, статья 12294.

Следствием последнего мероприятия послужил указ (25) Екатерины II от 3-го марта 1765 года, когда Слободские казачьи полки были переформированы в гусарские полки, причем следует указать, что Слободской казачий Острогожский полк был расформирован лишь в 1796 году. Подобным печальным финалом закончилась поучительная история Слободского казачьего войска, существовавшего 113 лет (1651 — 1764 г. г.).

25) 1 полное собрание законов Рос. империи, т. XVII, статья 12344.

ЗАХАР КОБАЗЕВ.

Восстание казаков станицы Чамлыкской в первой половине мая 1918 г.

Мне часто приходилось встречать в той или иной печати описание восстаний казаков некоторых станиц. Учитывая количество жертв, понесенных ст. Чамлыкской во время восстания, и некоторое моральное значение его, я долго ждал, что участники восстания тоже о нем чтонибудь скажут. Но они молчат. Стыдятся ли того, что восстание не удалось, или не желают, чтобы имя нашей станицы заняло подобающее место в истории борьбы с пришельцами с севера? Упорное молчание участников восстания и заставило меня оглянуться на то, что было 18 лет тому назад.

Я не располагаю никакими документами, как не являюсь и участником восстания, а пользуюсь лишь рассказами некоторых казаков, участников восстания, а также и тем, что уцелело в моей памяти от наблюдений того, что происходило в станице уже после восстания.

Когда по станицам завелась советская власть, казаки, прибывшие с фронта, расходясь по своим станицам, захватили с собой, на всякий случай, и винтовки, привезенные с фронта (у кого они были). Советская власть скоро начала выявлять свое настоящее лицо. Начались притеснения и обвинения в контр-революции. Сперва притесняли зажиточных казаков, а потом всех казаков вообще. Началась конфискация имущества выдающихся казаков станицы на содержание местного большевистского гарнизона.

Казаки заводились. Осознали свою ошибку и решили ее исправить. Это совпало с организацией восстания всего Лабинского отдела, под руководством полк. Солоцкого (если не ошибаюсь). В нашей станицей главным организатором борьбы был подхорунжий Комаревцев — человек, несомненно, обладавший большими организаторскими способностями. Он сумел поднять дух казаков и почти вся станица приняла участие в восстании (за исключением иногороднего элемента).

По стратегическим соображениям руководителей восстания роли станиц были распределены так: наша станица, Владимирская и Константиновская, должны были подступить к ст. Лабинской и овладеть ею, совместно с составившими казаками станицы Лабинской.

Причины, побуждавшие руководителей восстания овладеть сперва этой станицей были те, что там были арсеналы, около двадцати пулеметов, находившиеся в распоряжении местного гарнизона, и пушки неизвестной мне батареи. Предполагалось, по овладении ст. Лабинской, развивать наступления в двух направлениях — на ст. Курганную и на г. Армавир.

Задача ст. Вознесенской была — обезоружить местный гарнизон, быстрым маршем овладеть ст. Чамлыкской и Константиновской. Здесь подождать сообщения из ст. Лабинской и, получив подкрепление из ст. Родионовской, взять направление на г. Армавир, где по дороге должны были присоединиться казаки ст. Упорной, которые к тому времени обязались обезоружить местный гарнизон.

Таким образом, в случае удачного исхода выступления, центр боевых действий был бы под г. Армавиром, а в случае неудачи — было бы свободное отсту-

пение через станицы Владимирскую и Зассовскую в горы, где, по слухам, были уже мелкие антибольшевистские отряды...

За два дня до восстания в нашем доме было совещание, на котором присутствовал и организатор нашей станицы подх. Комаревцев и с ним казак неизвестной мне станицы. Я неожиданно вошел в комнату и уловил слова подхорунжего Комаревцева — «Лабинская послезавтра будет наша...». Очевидно, он говорил много и был взволнован. На лицах присутствующих я заметил отражение чего-то печального. Возможно, что неизвестный мне казак привез неблагоприятные вести, или, быть может, предстоящая борьба накладывала угрюмость на лица... Мое появление в комнате прервало речь говорившего, а отец, подойдя ко мне, сказал: «Пойди погуляй, а что видел здесь — никому ни слова».

Совещание затянулось до двух часов ночи. Когда участники его расходились, я уловил слова: «Завтра вечером Жильцов сад».

Жильцов сад находился между двух балок, верстах в пяти на север от станицы. Он и был сборным пунктом казаков нашей станицы.

Накануне праздника Св. Троицы казаки выступили в одиночку, незаметно, к сборному пункту. К десяти часам все собрались. Ждать дальше было нечего. Казаки помолились Богу и тронулись в поход.

Обойдя свою родную станицу с северо-западной стороны, перейдя через реку Чамлык, взяли направление на станицу Лабинскую и к часу ночи были у цели. Связавшись с казаками ст. Владимирской, не дождав-шись казаков ст. Константиновской и не получив условленного сигнала из ст. Лабинской, восставшие казаки очутились в безвыходном положении. Возвращаться назад было нельзя, а посему решили действовать сами. Наступление повели двумя направлениями: в направлении вокзала — чамлычане и с юго-восточной стороны — владимировцы.

К 4-м часам утра казаки этих двух станиц ворвались в ст. Лабинскую, захватили пушки, но вывезти их было нечем, а ожидаемой помощи со стороны казаков ст. Лабинской не оказалось. Двум станицам было не под силу справиться с гарнизоном ст. Лабинской, численностью в семь тысяч человек, вооруженных до зубов. Казаки дрались храбро, хотя и были слабо вооружены, расстреляли все патроны, но оружейные склады захватить не могли. И когда с окон двух-этажных домов начали бить с пулеметов по казакам, последние вынуждены были отступить. Большевистская конница врезалась клином на стыке между владимировцами и чамлычанами, разделив их, и отрезала путь отступления в горы, принудив чамлычан отступить в чистое поле. Здесь были первые жертвы восставших казаков. Среди них был и организатор восстания подхорунжий Комаревцев, зарубивший перед этим трех красноармейцев.

С этого момента и нужно считать, что восстание захлестнулось. Так как руководства уже не было, то казаки расходились то партиями, то в одиночку. Шли в свою родную станицу, утешая себя мыслью, что не все

еще потеряно. Думали: Вознесенцы, вероятно, выполнили свою задачу. Подойдут урупцы.

Удержаться не надеялись, но думали, что совместными силами смогут пробить себе дорогу в горы. Увы, вознесенцы «воздержались», а урупцы на помощь не пришли. Сил же самих чамлычан справится с гарнизоном было недостаточно. Скрылись восставшие в небольшом лесу, рассчитывая пересидеть там день, а ночью пробраться в горы.

Представители советской власти немедленно приняли меры. Вызвали на помощь гарнизон ст. Вознесенской, который густыми цепями, в три ряда, прошел через лес и переловил всех казаков, находившихся там. Некоторых расстреляли тут же на месте. Некоторых посадили в подвал при местном гарнизоне, где потом их судил военный трибунал. Казаки, принимавшие активное или косвенное участие в восстании, все были присуждены к смертной казни.

Ужас и страх и теперь вспоминать то, что я видел. Я видел, как разнузданная банда красногвардейцев вершила свою кровавую расправу над нашими отцами и братьями. Сотнями выводили связанных из подвала и на глазах их родных практиковались в штыковых ударах. Особенно выделялся своей кровожадностью и умением мучить беззащитных казаков подлец и предатель Николай Лаптев (к нашему стыду и несчастью — казак ст. Вознесенской). Он, верша свое кровавое дело, заставлял свою жертву выговаривать его имя и отчество, и только после этого предавал жертву смерти. Но это не все. Подлец Лаптев в пьяном виде раз'езжал по станице верхом с обнаженной шашкой и ловил новые жертвы. И надмоей юношеской головой заблестела его шашка, но сбежавшиеся на мой крик казачки отвлекли его внимание. Я видел, как по стальному клинку его шашки спускалась капля за каплей казачья кровь палачу на руку. Окровавлены были его руки и эта кровь звала к смущению. Я видел, как старушки матери и молодые казачки — жены день и ночь сидели у двора председателя станичного совета (тоже казака М. Сапрыкина) и со слезами на глазах просили о милости для своих близких. Но председатель был неумолим и кровавая расправа продолжалась.

За неполных три дня девятьсот сорок человек в расцвете своих молодых сил были казнены.

Напоминая станичникам о кровавой расправе над казаками, совершившейся 18 лет тому назад, я обращаюсь к станичникам, состоящим в рядах русских политических группировок, и говорю:

ЕФ. ЯКИМЕНКО.

Что вспомнилось

(ДІДІВСЬКА КРОВЬ).

В больших казачьих станицах для иногороднего населения были отдельные школы: или церковно — приходские или, так называемые, иногородние. Конечно, это не значило, что дети иногородних не могли учиться и в казачьих школах. Учились, а особенно в 2-х классовых училищах.

Более зажиточный элемент из иногородних почти всегда отдавал своих детей в казачьи школы. Но не всегда эти сынки купцов или чиновников «приходились ко двору».

В одной из школ станицы Н... учился сын местного священника, казак по матери. Отец его имел весьма странную фамилию, да и наружностью был похож на еврея. Говорили, что он «выхрист», но вряд ли это было так, т. к. «выхрист» вообще не мог быть священником.

Шурка (так звали сына священника), был рослым и смелым мальчиком, а так как его отец был еще и законоучителем в той же школе, то он весьма часто позволял себе некоторые «вольности», которые ему до поры до времени сходили. На своего все же он нарвался.

В этой же школе учился Степан Пулих, единственный сын у своих родителей, «мазунчик», смелый и отважный казаченок. Царапины на его лице никогда не за-

Чамлычане! не пора ли бросить чужие партии? Довольно быть служителями у русского народа. Знайте, что вы, состоящие в русских партиях, нужны им только, как пушечное мясо. Ваши интересы никто не будет оборонять там, как и ждать милости вам там нет смысла. Нужно же, в конце концов, научиться рассуждать по своему, по казачьи. Нужно же избрать себе настоящий казачий путь. Такой путь есть: это путь ВК, путь единства, по которому следует идти каждому казаку.

Чамлычане! Время не ждет, годы проходят. Ваши головы покрываются сединой. А что же вы сделали для своих родных, томящихся там под игмом московского хама? Ничего. Вы до ныне толкаетесь в хвосте врагов казачьего народа. Разве вы до сею времени не видите, что ваши бывшие вожди остались у разбитого корыта и сидят, сложа руки, ожидают у моря погоды? Разве не бурлит ваша кровь при мысли о славном прошлом ваших предков?

Оттуда вопиют о помощи...

По доходящим оттуда сведениям, наша станица претерпела многое. Московский кат разогнал ваших родных по всем российским просторам. Город Очимчири наполнен нашими станичниками, которые там умирают с голоду. Российская большевистская власть поставила себе задачей уничтожить Казачий Народ. Допустим ли мы это, чтобы Казачий Народ был уничтожен? Допустим ли мы, чтобы наша родная станица проклинала нас? Нет, не допустим! Даже подобную мысль в голову позорно иметь. Нужно сделать так, чтобы наше будущее поколение гордилось нами. А чтобы это случилось, чтобы этого достигнуть — нужно стать твердой ногой на казачий шлях — дороженьку.

Вольное Казачество зовет Вас к возрождению Казачьего Народа и к созданию казачьего государства Казакии.

Чамлычане! настало время сбросить с себя влияние русского дурмана. Время уже братья за дело. Международная обстановка складывается в нашу пользу. События стоят у нас за плечами, а поэтому нам следует быть в одной казачьей семье, возглавляемой ныне Походным Атаманом ВК инж. И. А. Билим.

Я глубоко убежден, что под водительством нашего Походного Атамана казачья правда восторжествует. Час этот близок. Уверен так же и в том, что в недалеком будущем над зданием станичного правления родной нашей станицы будет развиваться сине — малиново — желтый флаг Казакии.

Слава Казачеству!

живали. Но ни разу он не дрался с сыном священника, может быть, по той простой причине, что тот его не трогал, а второе — жили они по-соседски.

Однако, пришел день, когда и они передрались.

А было это так:

После большой перемены Степан Пулих, или, как его звали, Стевко, запыхавшись, бежал из глубины школьного сада в класс. Звонок уже отзвонил и он спешил, чтобы не опоздать к началу урока, хотя опаздывал часто. В коридоре, у вешалки, наткнулся на плачущего своего товарища Матвея Тыцкого, смиренного и безобидного казаченка, несколько заикавшегося.

— Ты чего плачешь, Матвию? — был первый вопрос Стевка.

— Шурка побив, — всхлиывая и заикаясь, ответил Матвей.

— За щож він тебе побив? — спросил опять Стевко.

— Не знаю! — был ответ.

— І ти нічого тому городовикові не сказав? Ніхто тебе не оборонив? — продолжал свой допрос Стевко.

— Ніхто не бачив, — ответил Матвей, уже не плача.

Стремительно влетел в класс Стевко и направился прямо к Шурке, сидевшему на первой парте:

— Ти за що бив Матвія?

— А тебе какое дело! — визгливым голосом ответил тот. — Хочешь и тебе дам!

— А ну, спробуй! — огрызнулся Стевко.

Шурка, не думая ни минуты, наградил Стевко звонкой пощечиной. Последнему этого только и нужно было, чтобы проучить поповича не «нести висику» и «не гербувати козаками».

— Ах ти, жидівська морда! — крикнул Стевко и как кошка набросился на поповича. Союзника у последнего в классе не было и он, вырвавшись, с исцарапанным и окровавленным лицом, выскочил из класса и побежал домой жаловаться на «куркулей».

Как ни в чем не было, сел Стевко на свое место, рукавом вытер потную, исцарапанную физиономию, оправил бешметок, раскрыл книгу и, как прилежный ученик, стал читать.

В это время вошел учитель. Он заметил отсутствие Шурки. Дежурный по классу сказал, что Шурка ушел домой, т. к. подрался со Стевком.

Не успел еще учитель расспросить хорошенько, как и из-за чего началась драка, и кто ее начал, как дверь класса раскрылась и на пороге показался священник, а за ним и его сын.

— Вот посмотрите, — начал священник, обращаясь к учителю, — какие хулиганы ваши ученики. Смотрите, что сделали с мальчиком!

Священник стал повышать тон. Учитель, человек еще совсем молодой, только в этом году окончивший семинарию, не знал, что ответить обиженному отцу, который к тому же являлся и законоучителем школы.

Священник тем временем направился к парте, на которой сидел Стевко и хотел его ударить.

Казаченок от удара увильнул, чем окончательно вывел из себя священника, быстро проскочил по за партой, выскочил в дверь и побежал домой (жил он рядом со школой). Дома рассказал отцу правду, т. е. то, как и за что избил он пововича.

Выслушав рассказ, отец Стевка, Прокофий Пулих, немедля ни минуты, тоже пошел в школу.

Только Прокофий Пулих открыл дверь класса, как священник, довольно грозно крича, обратился к вошедшему:

— Вот видишь, Прокофий, твой сын, паршивец, что наделал?

Спокойно, закрывая дверь за собой, Пулих говорит:

— Поперед усього, о. Степан, здравствуйте; а потім: який я вам Прокофій? Я вже дочку заміж віддаю... я не безбатьченко... у мене був батько і звали його Никифор. Та й син мій зовсім не паршивець, а такий, як і ваш, і як усі ці школярі, що тут сидять. Ви краще скажіть: по якому праву ви приходите в школу карати чужих дітей? Що буде, як усі батьки будуть приходять сюди, щоб допитуватися, хто кого побив? Мій що дня приходе до дому з обідраною мордою і я його ніколи не питаю, хто йому її обідрав. Ваш син побив Тицького, ударив мого... Так виходе, що це він робе гарне діло, йому це можна, бо він повівська дитина, а як його побив, то він побіг жаліться батькові, а ви, батько, замість того, щоб поштрафати його та роспитати, за що його побив, прийшли в школу і хотіли побити мого сина. Цього я вам ні дозволяю. Він у мене один син, я його й сам ніколи не б'ю... Ідіть, о. Степан, до-дому, а я піду теж до-дому, а тут є учитель, котрий до цього діла поставлений, він має право покарати кожного школяра, який робе те, що не слід робить...

Несколько раз священник порывался перебить Пулиха, но тот всякий раз жестом руки останавливал его. Учитель тоже приободрился и стал говорить, что все это он разберет и накажет виновных.

— Нет, я этого не прошу, — не унимался священник, — я здесь законоучитель и сам накажу виновного...

— Я ще раз, — перебивает его Пулих, — кажу вам, о. Степан, ідіть до-дому і не похваляйтесь наказувати мого сына, бо, боронь Боже, вы хоть пальцем тронете його, то тоді балачки будуть уже инші. На зборі вже не

раз балакали про вас і тільки те, що батько вашої матушки, а ваш тесть, є поважна людина в станиці, наш козак, був отаманом, — тільки тому ви ще держитесь у станиці, — спокойно продолжал Пулих.

— Это что? Угрозы! Нет, я не боюсь угроз. Я найду на вас право, — продолжал храбриться священник, но все же собирался уходить домой.

Наконец, ушел Пулих. Ушел и священник...

Оба шалуна — и Стевко и Шурка — были оставлены учителем в школе «без обеда».

Неизвестно, что произошло у Шурки дома и неизвестно, от кого он получил внушение — от отца ли, от матери ли, природной казачки, или от дела, отставного есаула, но только с того дня, когда между ним и Стевко произошла драка, он изменился к лучшему. Он уже не называл казачат «куркулями», не высмеивал их, ходивших в школу в черескочках, не всегда удачно шитых матерями. Он сделался хорошим товарищем и особенно сдружился с Стевком.

Прошло с того времени много лет. Пути Шурки и Стевка были разными. Уже во время великой войны Стевко служил вольноопределяющимся в одном из пластунских батальонов. Шурка же под конец войны, уже перед самой «бескровной», был тоже призван на службу в армию.

Редко виделись друзья детства, но встречи их всегда были сердечные. За этот период Шурка остался сиротой, — умер его отец. Осталась одна мать и тут происходит некоторое изменение в мышлении молодого поповича. Он уже думает по казачьи, он во время войны пытается поступить вольноопределяющимся в казачий полк, но это ему не удается. Он тогда пользуется своей отсрочкой и продолжает учиться до тех пор, пока в отсрочке ему было отказано.

Кончается Великая война. Настает время борьбы за свой порог и угол. Вначале ведется борьба в станицах скрытая, потом восстания и, наконец, казаки занимают станицу. И в подпольной работе и в восстаниях Шурка уже борется вместе с казаками.

Шумные и многолюдные первые станичные сборы после изгнания красных. С словесным заявлением на таком шумном сборе выступает Шурка, уже ставший Александром Степановичем, и просит громаду принять его в казаки.

— Ведь мать то у меня казачка, дедушка есаул, ваш казак. Атаманом был. Куда же мне от казаков? Слушать мне тоже нужно. Нужно большевиков изгонять. Не хочу я идти с крупой, знаю я ее, служил с ней. Видел я их «бескровную». Видел их свободу и борцов за нее. Хочу идти с казаками, но не как доброволец, которых теперь принимают и в казачьи полки, а хочу идти как казак, со своими сверстниками.

Понравлась сбору просьба Александра Степановича. Зашумела громада... Слышно, как говорят старики:

— Чувствуется дідівська кровь.

Первым, кто поддержал просьбу Александра Степановича, был Прокофий Пулих. Приговор был написан тут же и молодой казак немедленно выехал в Н. пластунский батальон, куда по мобилизации были направлены и его сверстники и где служил Стевко, теперь уже хорунжий Степан Прокофиевич Пулих...

Прошло после этого немного времени. Батальон закончил формирование и двинулся на фронт. В бою под станицей Усть - Лабинской Александр Иванович, довольно тяжело раненый, выносит из огня тяжело раненого сам, он нес тяжело раненого, — был ранен вторично и только с помощью других выбрался из линии огня и на руках у фельдшера скончался, задавая до последней минуты вопросы фельдшеру: жив ли Твердохлеб, которого он выносил из огня.

Последние силы оставляли Шурку, когда к перевалочному пункту прибежал позванный специально хорунжий Пулих. Шурка открыл на мгновение глаза и тихо сказал:

— Прощай, Стевко... я казак... как и дел...

„Оппозиционерам“

ОТ ВК ОКРУГА В ЮГОСЛАВИИ.

(Ответ на постановление, опубликованное в № 7 «Казакки»).

Судя по тем приемам, которыми пользуются оппозиционеры в борьбе с Походным Атаманом, и располагаемая материалом (письмами) о роли инициаторов и образователей т. наз. «оппозиции», которая до сего времени никак не может доказать каких либо грехов Походного Атамана, равно как и правоты в собственном поведении, окружное правление ВК Округа в Югославии удивляется тому, что в своем постановлении, в ответ на обращение Походного Атамана, она именует себя «националистами».

Обращаемся и мы к ним еще раз и называем их правильно оппозиционерами.

В тоне обращения к вам П. Атамана ничего оскорбительного ни для кого нет. Тон вполне корректный, а постановка вопроса о примирении не углубляет раскола у тех, кто его не хочет. Раскол стараются все время углубить все те же инициаторы создания «оппозиции», которые не сумели в свое время заставить себя остепениться, а позже, поддав под влияние более строптивых натур из своей же среды, стали дружно действовать, думая, что в конце концов они «придут к власти», но не думают они о том, что будет делать потом...

Озлобление и ненависть к Походному Атаману подогрета, конечно, оппозиционерами из Чехии и Парижа, откуда, несомненно, было оказано влияние и на содержание самого постановления. Мы прекрасно изучили г.г. Балыкова и Балинова, главнейших виновников существующего между нами недоразумения.

Попросить бы любого из подписавших постановление объяснить причину недовольства возглавителем наше го движения и, кроме того, доказать правдивость своих утверждений! Но вряд ли это кто докажет, т. к. и сами оппозиционеры при всех своих изощрениях, виновности в чем либо Походного Атамана перед Казачеством не доказали.

В вашем постановлении вы позволяете сомневаться в нашем большинстве. Мы в этом видим ваш один из демагогических способов борьбы за «первые места». Но для вас огромным препятствием как раз и служит наше большинство. Всякий, читающий в. к. литературу, легко и ясно видит — где большинство, а следовательно, и законность (по закону народоправства!).

Вы слишком упираете на «широкое народоправство», но сами его не признаете. А кроме того, что главное, сейчас решается вопрос не о народоправстве. Сначала надо спасти самый народ казачий.

Вам это трудно, конечно, понять, т. к. работы прямого назначения у вас нет: обливание грязью нашего избранника затмило вам разум.

Вы страдаете отсутствием понимания дисциплины, построенной на нравственном долге. Жаль, но это — факт.

Говорить о праве Походного Атамана назначать окр. с'езд — не приходится: это право дано нами, вольными казаками, абсолютным большинством! Четыре Округа и солидные группы в других странах! На родине бы вы не позволили отрицать этого права, а здесь, пользуясь исключительным положением эмигранта, позволяете себе делать все, что угодно, а с другой стороны — смеете говорить о «нетактичности» Походного Атамана.

Прочитайте внимательно сами ваше постановление и все те статейки, в которых вы не знаете уже, с какого боку уязвить И. А. Билого, и вы (может быть!) увидите вашу собственную больше чем нетактичность.

Мы в искренности Походного Атамана не сомневаемся. Проследите всю его работу, все его воззвания к Казачеству, статьи его, вникните в их содержание разумом и сердцем казачьим без той предубежденности, которую привили вам «генеральные секретари».

Походный Атаман обратился к вам с искренним желанием ликвидировать умышленно созданное недоразумение, но не потому, что он «очутился перед фактом

падения престижа и беспомощности», как пишется в вашем совершенно безграмотном и действительно злобой пропитанном постановлении.

Престиж Походного Атамана еще больше поднимется в глазах казачьей массы письмами, выдержки из коих мы приводим ниже.

Беспомощность же Походного Атамана заключается лишь в невозможности пресечь разнузданность некоторых лиц из вашей среды.

А теперь скажем вам несколько слов о вашей оппозиционности вообще и поставим точку — довольно: вы вполне обнажили себя во всей своей неприглядности и доказали неспособность к серьезной политической работе.

Походного Атамана никто теперь не может упрекать в том, что он примирения не искал. Увидав его обращение к вам, мы даже удивились, что у него есть еще желание с вами говорить. Этот факт ставит Походного Атамана еще выше в наших глазах.

Итак, о вас и о вашей оппозиционности. Окружное правление располагает большим материалом, заполненным в свое время от г. г. ваших же «инициаторов», благодаря добровольной деятельности одного из нынешних «оппозиционеров» в Белграде, Е. Перфильева. Роль «осведомителя», нужно сказать, он провел блестяще, за что мы ему очень благодарны. Позже только ему стало «жаль С. Балыкова, хороший он человек» (сказал Е. Перфильев — и перешел на его сторону).

Рассматривая лишь переписку Балыкова и его немногих друзей, легко убедиться в цене лиц, создавших т. наз. оппозицию, а также и судить о чистоте их намерений. Югославянский Округ дважды убедился и в причинах появления оппозиции и в недобросовестности поведения лиц, ее создавших, и в их работе: 11 февраля 1934 г. на экстренном заседании представителей от всех организаций Округа и в дни Большого Круга 28 - 29 апреля 1935 года, когда, в первый и во второй раз, г. г. делегатам был предоставлен весь материал, и, после знакомства с ним, возможность свободно высказать свое мнение и выносить то или иное решение. И дважды Округ выносил единодушно осуждение г. г. оппозиционеров, а особенно первым инициатором оппозиции.

Г. г. оппозиционеры проявили максимум усилий, что бы набербовать себе количество. Пример — с'езд в Братиславе, где правом голоса располагали и жены делегатов. В других местах, возможно, решали и подписывали и дети.

Не будем много останавливаться на подобных случаях. Возьмем для характеристики «оппозиции» хотя бы состав «казачков националистов» («оппозиционеров») в Белграде. Вначале их имелось здесь десятка полтора, из которых трое бывших членов студенческой станицы. Одному из них «стало жаль Балыкова»; другому надо было куда нибудь деваться, т. к. будучи на ответственном посту в станице, он, получив сто динар на поездку для выполнения задания от Окр. Правления, деньги растратил и на глаза Окр. Правления не показывался полтора месяца. Поехать он, конечно, никуда не поехал, но был уличен в утайке других сто динар, полученных в уплату долга в станичную кассу. Деваться некуда, пошел в «оппозицию».

Третий, после долгого колебания тоже «стал в оппозицию». Здесь причина более основательная: неизвестно почему его родственник «стал в оппозицию», хотя перед тем никогда не был в рядах ВК и вообще всегда был далек от самостоятельности. Уже став атаманом станицы казаков «националистов», он высказал такие свои убеждения: «Не плохо было бы и в царем... при чем Казачество для него ограничивалось одним Доном. Все остальные — никогда не были самостоятельными. Из них мы знали только двух, иногда появлявшихся на наших собраниях. Один из них, встретившись недавно с одним из членов окружного правления, сразу начал извинять-

ся: «Вы не сердитесь на меня, я ничего не знал, меня уговорили, но я уже вышел оттуда»...

В прошлом году, когда «из сожаления» к Балькову г. Перфильев создавал в Белграде оппозиционную станицу, в Окр. Правление подали заявления об уходе из нее еще несколько человек. Это были такие «вольные казаки», которые о Вольном Казачестве вообще ничего не знали, а о казаках знали только как о джигитах да в русской истории прочитали о «разбойниках» — Разине и Пугачеве. В своих заявлениях они писали: — «Нас обманул... мы подписались только из коллегальности к Перфильеву»...

Спрашивается, каков же удельный вес тех, кто действует, опираясь на таких самостийников? А если принять во внимание и то, что некоторые из «оппозиционеров» ставили в вину Походному Атаману его давнишнюю проповедь о создании самостоятельного казачьего государства, то простите, братья казаки, — приходится сомневаться в том, что вы действительно наши политические единомышленники.

Вообще всю «оппозицию» создали в первую очередь г. г. Балинов и С. Бальков, быв. секретарь редакции «ВК», который по заслугам был уволен с того места...

Организовывая оппозицию, г. Бальков приводил в исполнение свои угрозы: «Если вы меня уволите, то я ни перед чем не остановлюсь». Теперь мы убедились, что Бальков действительно ни перед чем не останавливается.

Что «оппозицию» заложили калмыки, свидетельствуют сами же теперешние оппозиционеры. Возьмем, напр., письмо Предс. Центр. Правления г. г. «оппозиционеров» станичника **И. Безуглова**, который в 1934 г. 7-1 писал: «Допускаю, калмыки зарвались — не в жалованьи дело, просто заелись на хлебах у Гната и захотели иметь большее влияние»...

В этом же письме читаем: «Ты пишешь, что борьба с Билым ведется ложью и провокацией... — может быть и есть что, народ многоголовый, за всем не уследишь»...

Или (все отсюда же): «Заявляю, что я даже материал для журнала перед выпуском («Казакии») наполовину не читал, — а отсюда надо бы много всякой х.. выбросить!»...

И это пишет один из виднейших «оппозиционеров», добавляющий дальше: «но пусть **РЕБЯТА** учатся — на ошибках учатся!»...

Хороши «ошибки!». И все таки, несмотря на как будто присущий автору письма здравый смысл, он все же находит «ребятам» извинение: «пусть учатся!» И сам

продолжает оставаться в этой школе «дипломированных»...

Дальше находим и такое письмо того же Безуглова, где он пишет: «Личность И. А. Б. для нас должна быть безразлична, **важна идея**, и наша обязанность исполнять беспрекословно все директивы Центра (в данном случае Бил.). К этому я пришел путем долгого размышления и обмена мнениями... с вольными казаками, твердость убеждений которых вне всякого сомнения. Оглянувшись назад, я увидел, что ВК движение, если и существует до сих пор, то только **благодаря хохлацкому управству И. А. Б., который, несмотря на провокации, измены и бешеные атаки своих бывших сотрудников, остался твердым и не уступил своего места. Это его величайшая заслуга.** Если бы он отошел и на его место пришел бы Быкадоров или другой, то все дело было бы давно погребено и надолго скомпрометировано. Ведь до сих пор его сотрудники подходили к Вольному Казачеству с заранее утвердившеюся мыслью сорвать по возможности максимум монеты. Из — за этого возникли и недоразумения, которые чуть было и не погубили все движение. Теперь такой подход исключен. В Праге, не считая двух — трех человек, не найдешь порядочного человека. Все тянули руки к деньгам».

В том же письме читаем: «С И. А. Б. я сталкивался очень и очень мало, а посему о его характере судить могу только по словам с ним близко знакомых людей. Впечатление он на меня произвел с первого же раза человека угрюмого, с большим характером, что для возглавления движения может считаться огромным плюсом. Во всяком случае, у И. А. Б. исключена возможность подпасть под чье либо влияние. Это тоже большой плюс»...

Из этих писем, характеризующих личность нынешнего Походного Атамана, как возглавителя, видно, что г. г. «оппозиционеры», находя за И. А. Б. главнейшие из необходимых качеств для человека на столь ответственной работе, просто не захотели в свое время подчиниться, не хотели исполнять директив Центра, не захотели и не сумели понять тех условий времени и обстановки, в которых мы работаем. Всем угодить, как известно, трудно, а тогдашнему Председателю Центрального Правления И. А. Билому тем труднее было угодить, ибо действительно многие из бывших сотрудников «подходили к Вольному Казачеству с заранее утвердившеюся мыслью», как пишет нынешний окружной атаман г. г. «оппозиционеров» в Чехии г. Безуглов.

Быть Председателем Ц. Правления и заниматься угандыванием чужих желаний и настроений, заглядывать

К СВЕДЕНИЮ ВСЕХ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ.

В номере 7-м (13) журнала «Казакия» напечатан ответ оппозиционеров на мое мирное к ним предложение, напечатанное в 200-ом номере «ВК». Ответ этот, по существу, отрицательный. Больше того, отвечающие считают, что сама постановка мною вопроса так, как я его поставил, «влечет за собою не примирение, а углубление раскола. еще большее озлобление и ненависть». А дальше добавляют: «Суммируя все подобные обращения, мы устанавливаем то, что Вы продолжаете играть казачьей идеей «ва-банк» — очутились перед фактом падения вашего престижа и вашей беспомощности»...

Должен признаться откровенно: выражения «Вы продолжаете играть казачьей идеей «ва-банк» — я так и не понял. Что касается «факта падения» моего престижа и своей «беспомощности», то не входя в оценку самого этого «факта» и предоставив судить о нем всем тем, кто судить о том хочет, сам я хочу все же сказать еще раз во всеуслышание:

Нет, не «факт падения» моего престижа и не моя «беспомощность» заставляли меня до сих пор обращаться к вам с предложениями о мире. Нет, но то, что я немного больше знаю о том, что в мире теперь делается, немного дальше вижу вперед, чем вы, и немного больше знаю те случаи из казачьей истории, когда казачье дело душилось или разбивалось казачьими же руками в угоду и во славу наших врагов. Я, с своей стороны, и хотел сделать все для того, чтобы в наше время казачье национально — освободительное движение не было разбито сами же казаками...

После ознакомления и с моим предложением и с вашим ответом, все казачьи патриоты должны будут все же признать, что не моя вина в том, что примирения между нами не состоялось.

Я никогда не думал, что, предлагая мир, я «углубляю раскол» и вношу «еще большее озлобление и ненависть». Чтобы этого не делать, я впредь не возьму уже больше на себя подобной инициативы.

Делая такое заявление, я все же искренно сожалею, что все наши попытки (см. ном. 174, 177, 183 и 200 «ВК») не увенчались успехом.

Походный Атаман ВК **И. Билый.**

как говорится, в глаза каждому, — не соответствовало бы назначению самого Председателя и не было бы целесообразным в общих интересах нашего дела. Не надо упускать из виду, что ответственность за судьбу движения возлагалась только на Председателя.

Г. г. «ближайшие сотрудники» хотели каждый, по видимому, иметь большее влияние, а за Председателем Ц. Пр. оставить лишь долг ответственности..

Кто хотел работать и только работать, тот работал и работает сейчас. Но у нас, к великому сожалению, вместо того, чтобы работать, а несогласия, появляющиеся на пути, разрешать на месте, люди отходят в оппозицию, и, сейчас же или позже, начинают вредить самому делу...

Горячая деятельность С. Балыкова и Ш. Балинова в создании «оппозиции» есть действительно проявление личной мести за свои личные дела и «нарушенные интересы».

В своих письмах и посланиях г. г. оппозиционеры не могли миновать и «материальной обеспеченности Билого». Главное зло: «вилла», «рояль», «преподаватели языков и музыки» и пр. злостная, умышленная ложь, которую, остепенившись немного, сами же опровергли: «Виллы, правда, нет, но не исключена возможность, что она будет приобретена в будущем».

Это все равно, что обвинять человека в убийстве, а потом, в оправдание себя, говорить: «Нет, он не убивал человека, но не исключена возможность, что он не убьет его в будущем».

Уволенные — секретарь Балыков и представитель во Франции Балинов — действительно ни перед чем не оставались. В первую очередь они, имея на руках адреса многих вольных казаков, расписали им о «деспоте» Билом, о его сказочном богатстве, ухитрились даже заглянуть поглубже в его квартиру. Напомнили исключенным раньше из ВК, что их Билый «прогнал», «всех разогнал», «в мемуарах сделал опущения или поправки»... Ну, а это разве не подействует на людей, затаивших хотя бы маленькое недовольство?... — Вот вам и группа недовольных, но «желающих работать»... Стали выпускать они свой журнал, в котором сначала заявили, что «это имеет положительное значение для движения», И. А. Билого обещали не трогать, а потом... «чем дальше в лес, тем больше дров». Ни одного номера не выходит без грязи, без злобы в адрес того, кто по характеристике, данной самими же создателями «оппозиции», заслуживает только глубокого уважения и поддержки в трудной работе.

Умер ли кто, заболел, застрелился, — виноват И.А. Билый. Вероятно, он же будет виноват, если кто либо из нас где либо спотыкнется и разобьет себе нос.

До сего времени продолжается травля Походного Атамана за Большой Круг.

Винават тот же Билый. В чем? В том, что он не сделал так, как хотел этого, скажем, Ш. Балинов, предлагавший когда то: «80 проц. состава Съезда набрать в самой Франции, и лишь 20 проц. делегатов приехали бы,

скажем, из других стран»... При чем, он был уверен, что можно было легко сделать все то, что он хотел.

Нам, да и всем казакам, в том числе и «оппозиции», известно, какими непреодолимыми трудностями был окружен созыв нашего Съезда в том виде, в каком его хотелось бы иметь всем, вероятно и И. А. Билому, который писал в Окружном Правлении: «До меня доходят слухи, что я почему то против Б. Круга. Я не против, а всего лишь думаю, что мы с ним поспешим и как бы не сделали хуже. Сейчас, по моему, еще не время»...

Давлению казачьей массы И. А. Б. противостоять не мог и, как Председатель Центрального Правления, разрешил собрать БВВК по странам, каковой путь в первую очередь предложило наше Окр. Пр., т. к. иной возможности, по независящим от нас причинам, не представлялось. А созыв Круга хотелось многим иметь поскорее, особенно потому, что г. г. «оппозиционеры» писали и в письмах и в бюллетенях, что «Билый не хочет созыва Б. Круга»...

Круги состоялись и вполне законно: на них решались все вопросы волею представителей (делегатов) от в. к. организаций. Одна Югославия дала свыше 80 депутатов. И цена такого характера Большого Круга (позвольте вам, братья, сказать) несравненно значительнее, чем была бы цена Круга, предлагавшегося тем же Ш. Балиновым.

Желание казаков было удовлетворено.

В том, что на Б. К. не было представителей от «оппозиции», виноваты ее возглавители и руководители: надо было ждать спокойно созыва Круга и там высказаться по поводу «неправильной» политики И. А. Билого. Повидимому, руководители боялись потерпеть там поражение и поспешили создать так наз. «оппозицию», ибо основная задача их была: «свалить Билого и тогда все будет хорошо», как писал С. Балыков.

В заключение рекомендуем создателям «оппозиции» обратиться к собственной совести, проследить спокойно и внимательно за своей же печатью.

Что побуждает вас вести борьбу против законно избранного Походного Атамана, которому вы сами дали такую блестящую оценку, как возглавителю? И почему же это вы в свое время единогласно выбрали его Председателем Цен. Пр. ВК?

Не горячься, задумайтесь над вашими поступками. Может быть у вас проснется совесть и заговорит казачья честь.

Слава нашему Походному Атаману! Слава Казачеству!

Настоящее подписали, согласно решению расширенного заседания Окружного Правления:

Окружной атаман **Н. Букин**, помощник окр. атамана инж. **Н. Евсеев**. Члены окружного правления: **И. Билоус**, **Е. Кривец**, **Р. Евсюков**, **И. Кошкодаев**. Особо приглашенные: **И. Сурмач**, **А. Дейнега**, **С. Сорокин**, **И. Верба**. И. д. окружного писаря **А. Черный**.

Думы и мысли

«ПРОСЫПАЮЩЕМУСЯ» СТАНИЧНИКУ Д. ЛЮБИБОВУ.

В двухсотом номере нашего журнала наш Походный Атаман (в передовице этого журнала) сделал сводку двумстам номерам. В этой сводке есть замечательно точное определение казачьей жизни в прошлом: «...Хотели служить двум Богам, пробовали сидеть на двух стульях... Не справившись, как следует, со своим, не построив дома своего, позволили увлечь себя на чужие непосильные задачи. И — были биты. Чужого великого не сделали и потеряли все свое»...

Так вот, исходя из того, что в прошлом, да и теперь, в настоящем, есть еще казаки, которые продолжают молиться двум Богам и сидеть на двух стульях, я хочу сказать несколько слов «просыпающемуся» станичнику Д. Любигову, атаману русско-казачьей Каледино-Карауловской станицы в Ромба.

В нашем журнале «ВК», в ном. 203-204, в сообще-

нии из Ромба приводится воззвание станичника Любигова ко всем казакам. В конце этого возвания ст. Любигов говорит так: «...Пробил час, дорогие братья, собраться во едино и решить наши казачьи дела так, как нам совесть подсказывает. Все и все на службу Казачеству. Казаки Каледино-Карауловской станицы зовут вас в свои ряды. Тесней, станичники! стремя к стремени! Крепче повод на казачий шлях! Слава Казачеству!».

Стоит ли станичнику Любигову с этим призывом ломиться в открытую дверь? Эти призывы давно уже звучат в нашем журнале на протяжении двухсот с лишним номеров.

Читая его воззвание, уж очень хочется ему сказать: «Все, о чем Вы взываете, все это есть в нашем журнале. Стоит только выписать журнал в вашу станицу, а если не хотите, то у вас под боком есть уже вольно-казачья станица. Правление станицы с удовольствием даст

вам журнал для прочтения. Да и взывать вам не к кому. Все, кто болеет душой за свободу Казачества, уже выделились из вашей станицы, образовав вольно - казачью. Если же Вы это делаете, так сказать в «мировом» масштабе, то — напрасно. Есть уже, как вы прекрасно знаете, казачья национальная организация во главе с выборным Походным Атаманом. Эта организация немного опередила Вас. Вы запоздали — ровно на девять лет.

Если Вы, станичник Любимогов, болеете душой и сердцем за судьбу Казачества, то почему же Вы еще не в нашей вольно - казачьей семье?

Почему ст. Любимогов призывает всех казаков объединиться около своей Каледино - Карауловской станицы? Ведь верный путь к объединению всех казаков — вольно - казачья станица имени ген. Старикова в том же Ромба. Ведь станичник Любимогов отлично знает, что в. к. станица образовалась исключительно из бывших членов Каледино - Карауловской станицы, возглавляет которую теперь сам станичник Любимогов. При образовании в. к. станицы и станичнику Любимогову было предложено войти в новую семью. Он не пожелал. Теперь взывает: ...«Крепче повод на казачий шлях!» — На какой? Есть два шляха — один старый - старый, истинно свободный, казачий, а другой: ...«Да здравствует единая, неделимая матушка Русь, а мы, твои холопы, уж за тебя, родимую, постарамся».

Если ст. Любимогов имеет в виду второй шлях, так Бог с ним. Пусть порастет чернобылем, чертополохом, колючкой, татарником и тернами. Если же первый — истинно казачий шлях, — то почему же ст. Любимогов еще не с нами? Тогда мы пойдем вместе по действительно казачьему шляху, а над нами будет светить наше казачье солнышко, а с высоты синего неба — жаворонок будет петь звучную песню о вечной свободной воле казачьей.

Станичник Любимогов отличный, честный, серьезный казак с настоящим казачьим сердцем и душой, только..

Вот это «только» — почему он еще не с теми, кто хочет добра своей казачьей родине? Не с теми, кто уже вышел на казачий шлях? Почему? Интересно знать думашку казачью станичника Любимогова.

Откликнитесь, дорогой станичник, в нашем вольно-казачьем журнале, что препятствует Вам выйти на свой национальный шлях? В Вашем воззвании Вы зовете всех казаков на этот шлях, но сами еще не на нем. Не молитесь ли Вы до сих пор еще двум Богам, не сидите ли еще на двух стульях?

Иван Настоящев.

ОТВЕТ КОМУ СЛЕДУЕТ

Многоуважаемый наш Атаман!

Прошу не отказать мне в моей просьбе поместить в журнале «ВК» нижеследующий мой ответ г. Падалкину, как представителю группы казаков, которая предлагает мне и другим казакам «Казачью Грамотку».

Хочу, чтобы казаки знали, как нас снова заманивают в капкан русские люди, с помощью наших же казаков.

Из Парижа я получил от г. Падалкина «Казачью грамотку», не царскую грамоту, а казачью грамотку, составленную неким Синеоковым. О грамотке не буду писать подробностей, ибо эта чепуха не стоит внимания — рука и так устала от пистолета (инструмент для чистки железа).

Но группа казаков, в приложении к «Казачьей грамотке», от себя добавляет: «группа казаков (какая? Т. Л.), вполне разделяющая положения настоящей «Казачьей грамотки» предлагает ее Вашему вниманию, не с целью образования какой то новой «организации», а как путь выхода из того идеологического тупика, куда зашло Казачество за рубежом. Старая страница славного бытия Казачества закончена. Надо начинать новую. Но для этого необходимо наметить хотя бы основные положения его нового бытия, т. е. его идеологию, его «душу». Ибо без души само тело мертво».

«Крайние казачьи течения имеют свои, вполне определенные идеологии, свои стремления и знают, чего

они хотят. Казачья же гуша своим здравым смыслом отвергает эти крайние идеологии, но своей «души» еще не обрела. Существование Казачества — как в прошлом так, конечно, и в будущем — неразрывно связано с русским государством. Поэтому выработка казачьей идеологии должна производиться в обще - государственной плоскости».

«По мнению группы, предлагаемая «Казачья грамотка» вполне отвечает своему назначению. В виду этого, группа, взявшая на себя почин, просит Вас прислать ей ваши мнения и заключения о мыслях «Казачьей грамотки».

— И вот мой ответ группе казаков (собственно, г. Падалкину):

В ответ на присланную Вами мне «Казачью грамотку» и на просьбу дать свое о ней мнение, отвечаю:

Прочел я ее внимательно и удивляюсь, до чего эти русские люди только не додумывались, в надежде утереть еще раз очки казакам. Синеоковых — знаем. Это семья помещика - мужика, «тавричанина», купившего земли у какого то «барина» на Кубани, в Баталпашинском отделе. Знаем и его заграничного сына. Слыхали о нем здесь, что с 1905 года за границей учился. В Швейцарии, кажется. Значит, это его будет изобретение — «Казачья грамотка».

Удивляюсь я «группе казаков»: как можно быть таким доверчивым к русским людям и разделять их мнение в вопросе о казачьей жизни? Ведь вы же, г. Падалкин, знаете, что на глазах у нас русские люди жгли, ссылали, насиловали, убивали казаков, не жалели и детей. «Стирали с лица земли» все Казачество (как они тогда выражались)... То же самое делали пятнадцать лет. Делают и теперь..

Царями России казакам уделялись крохи от русского стола. Если Вы забыли, то еще раз прочтите «Лонскую летопись», три книги. Кажется, там и о Вас упоминается, как Вы ездили с письмом к Ленину от Донского Атамана. Прочтите три книги «Трагедии Казачества»... А читали ли Вы журнал «Казачий Дневник»? А журнал «Вольное Казачество» и речи Походного Атамана ВК?

Только в этой литературе вы найдете мой правильный ответ Вам и найдете казачью правду и эту самую «душу» казака. И тогда и Вы скажете, как и я, что старая страница славного бытия Казачества НЕ закончена и НЕ кончится НИКОГДА.

Тогда Вы еще раз припомните себе историческую жизнь казаков, за право и вольности казачьи царями замученных Атаманов и казаков, всех ушедших и уходящих в тяжелое изгнание... Это не от царской ли милости и «привилегий» уходил казачи в старые времена со своих родных мест в чужие, неизвестные края к «басурманам»? Или им хотелось расширять русские границы?

Когда Вы припомните себе все это, припомните бедлы, причиненные и чинимые сейчас казакам, тогда Вы не будете искать сходства и родства казачьего народа с русским народом. Тогда Вас, и подобных Вам казаков, не будет интересовать этот, не нужный нам, казак, вопрос. Тогда перед Вами встанет во всей своей красоте и величии наш казачий вопрос, — устроить нашу казачью жизнь, не испрашивая совета и разрешения у чужого «барина».

Недавно мы еще раз доверили было свою судьбу русским генералам и их казачьим поклонникам. Все знаем, что из этого вышло. Повторять не стоит. Довольно и того. Последние события там говорят нам о том, что жив казачий народ и что не застыла в нем казачья кровь..

Ждем того счастливого времени и готовим себя принести первой жертвой за казачье государство, которое **БЫТЬ** должно. Россия, с ее многомиллионным народом, должна будет пережить участь Австро - Венгрии при будущем развале. И тогда на ее развалинах возродятся народы, ныне под большевиками страдающие. Тогда, наряду со всеми народами, восстанет к новой жизни и наш сильный и храбрый казачий народ. А какие мы бойцы, знает весь мир. Знаем и мы самих себя и свое казачье государство суем защитить, а если и в будущем среди нас найдутся изменники, то сумеем их и покарать. А посему заканчиваю и призываю Вас, г.

Падалкин, не идти с чужими, а идти с нами по нашему пути. Он ведет прямо в наше казачье государство.

Итак, с Богом, все Казачество за казачье государство Казакию! Слава Казачеству!

Примите мой казачий привет, с совершенным почтением и уважением к Вам. **Тихон Г. Лобанов.**

П. С. — А еще хочу кратко ответить станичникам — полковнику **Кочетову** и **Колесову.**

Дорогие станичники, т. к. Вы являетесь — первый председателем, а второй секретарем культурно — просветительного отдела при Донском Атамане, и т. к. Вы просите меня оповестить казаков о присланном Вами мне «материале», сообщаю Вам: оповестил и вот ответ, как его высказали казаки:

Один говорит, что «это просто очередное требование. Наверное уже не хватило у них донской казны»... А другие ответили, что «Россию мы знаем, как душещипательную нас, казаков, а о Казачестве и казачьей истории можем поучить Кочетовых и Колесовых».

А я от себя добавлю, что, действительно, Вы правы. Мы должны преодолеть все препятствия, ибо это наш священный долг перед родиной Казачьей, которой мы сможем достичь только полным единением и совместной дружной работой — единым сердцем и единым духом поддерживая Казачье государственное движение. И советую Вам, дорогие станичники, больше беспокоиться о самих себе, т. е. о Казачестве, а устранив судьбу каких то других народов не собирайтесь, ибо Вы сами бессильны... И конституции казачьи мы, казаки, Вам изменить и делать поправки не позволим... Казаки! стыдно славным потомкам Степзна Разина становиться рабами!...

А о коренном крестьянстве не беспокойтесь. Его интересы оградила и обеспечила Кубанская Конституция.

Итак, дорогие станичники, не Вам придется учить казаков вашему «культурному просвещению». Поучитесь лучше вы сами у простых, рядовых казаков. А кто не был «там», когда создавали казаки свои казачьи Конституции, то пусть хорошо их изучит и **ПРИМЕНИТ** их к **СЕБЕ**, ибо они **НАКЛАДЫВАЮТ** некоторые обязательства, чтобы их не нарушали, чтобы особенно и не титуловались, ибо казаки перед казачьим законом все равны, а кто нарушает закон — тот должен отвечать.

Тихон Лобанов.

КАЗАЧЬИ ЗАПРЕТНЫЕ КУРГАНЫ

На протяжении двухсот с лишним лет мы, казаки, истории своей не знали. Теперь мы ее знаем. ВК открыло запретные курганы и вышли из них герои — Донские Атаманы. Дух Разина и Булавина и мощь Ермака витают над нами и укрепляют веру в конечную казачью победу. ВК идея все больше ширится среди казаков. ВК движение всецело стало на казачий путь, создало свою казачью программу и твердо продолжает начатую борьбу за Казачью Волю. ВК в свои ряды насильно никого не тянет, но долг каждого казака обязывает его стать на защиту казачьих интересов и своего исторического права жить самостоятельной государственной жизнью наравне с другими народами. Мы должны работать, стремиться к этому, дабы достичь казачьих прав, отвоевать казачью волю и свободу.

Братья казаки, давайте станем плечо к плечу на защиту казачьего поля. Неужели вы забыли о нем? Нет, вы не забыли. Так не страшитесь, становитесь открыто в наши ряды. Укрепим наши казачьи силы для скорейшего освобождения наших родных Краев. Когда будем едины, всегда победим.

Голос ВК, как набат, гудит, всех братьев казаков зовет на свой казачий путь, Край родной освободить. В ногу, братья, идите, твердо отбивайте шаг. Наш Походный Атаман в Казакию путь нам указал, а наши поэты, певцы казачьей свободы, любимые песни про Казакию поют. Дружней же в ряды ВК становись! Сольемся во едино в эти тревожные для Казачества дни и будем смело идти по казачьему пути.

Братья казаки! наступают Ермаковские времена. Нам смерть не может быть страшна. Кто жизни не щадит своей, кто казак душой, тот должен думать лишь о том, как Край Казачий снова вольным сделать.

Об'единимся у одной цели и мы, казаки, ее достигнем.

Слава Казачеству! Да здравствует возродившаяся в нас святая и жертвенная борьба за свою отчизну — Казакию!

С. М. Антипов.

МОИ ТЯЖКИ ДУМКИ

З козацького степу приходять вiстки... Невеселі, сумні... Ще сумніші, ніж раніш були.

Ворог клятий ще гірше почав глузувати над синами широкого степу козацького. Береться він за козацю душу...

Він хоче, щоб козаки співали їм «похвали»... Він хоче лицарство та хист козаці у свою користь повернути. Він хоче ще кріпше стиснути козацьке тіло у своїх поганих кігтях... Затягає ще кріпше биновку на козаці горлянци.

Ми чуєм хрип козачої душі... Чуєм хрип, що рветься з козачого горла... Чуєм!.. і розумієм той хрип казачий... Хрип той кличе рятувати... До зброї кличе... Кличе всіх, хто є козак, кому дороге Козацтво, Поле Дике, степи козаці широкі, тепер не вільні полонені... Брати на тих степах не вільні, а в кайданах...

Крик братів відтіля чуємо ми, вільні козаки. Чуємо його і кажим тим, хто закоханий Московю; Гуртуймося, свій до свого! Гуртуймося для бородабї за своє! За старинне козацьке Дике Поле! За свої степи широкі, за свої станиці вільні, за лицарську славу, за козачий хист! Треба захистити дітей та жінок, захистити стареньких батьків, матусю рідненьку!... Треба іти рятувати братів з московської неволі, треба будувати державу козаків — лицарів — **КОЗАКІЮ!**

Як дійдемо до цієї мети, тоді не буде вже козак ніколи кріпаком, не буде плакати, сумувати, не буде служкою Москви, буде тільки лицарем давнішим, будуючи життя своє по-козацькому, на звичаях давніших, прадідівських!

Гуртуймося ж, брати мої, під своїм прапором, під прапором козацької Волі і незалежності!..

Петро Калита,

Козак Кубанського Війска.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ОТТУДА.

1. ... Епископ Феофил Краснодарский доведен большевиками до такого состояния, что зимою 1936 года повесился...

... В Екатеринодарской тюрьме (камера 37), в тюремном подвале был расстрелян (в 1931 году) профессор *Шаль за самостоятельные убеждения*...

Там же расстрелян калмык *Магменов* «за шпионаж в пользу иностранного государства» (1). Магменов — вернулся из Праги (по амнистии). — В Екатеринодаре же расстрелян и калмык *Доржинов*, тоже вернувшийся из-за границы по амнистии...

2. ... Ты писал: правда ли, что у нас вернули Казачество? — Да, правда. Только *прав им нет. и земли им нет.* и казаки из красных партизанов. На празднике адыгеевцев были казаки в черкесах, бешметах, шапках, кинжалах, пашках. Шапки — кубанки, а как были колхозники, так и есть... («За Казачье Имя», ном. 13-14, 25 августа 1936, издание ВК Округа в Югославии).

Казачья эмиграция

ВК во Франции

В КАРКАССОНЕ

Приезд Походного Атамана ВК.

9 августа в 11 часов в Каркассон прибыл Походный Атаман ВК **И. А. Билый**. На вокзале Атамана встретили представители местной в. к. станицы во главе с атаманом станицы **И. И. Марченко** и направились в ресторан «Кюба», где членами станицы и их семьями была организована встреча своего Атамана.

ВК станица в Каркассоне организовалась в агусте 1934 г. Информировались о жизни и деятельности ВК движения только журналом «ВК», живого же слова услышать было не от кого, а так хотелось повидать и послушать кого либо, близко стоящего к руководящему центру. Желание наше исполнилось и не лишним будет рассказать как была встречена весть о приезде сюда Походного Атамана ВК.

17 июля ко мне на квартиру (я только что пришел с работы) заходит возбужденный атаман нашей станицы **И. И. Марченко** и говорит: Атаман едет!

— Не понимая, в чем дело, спрашиваю: какой Атаман и куда едет?

— Наш, к нам, — был ответ и Марченко протягивает мне письмо.

Письмо было от Походного Атамана, в котором он сообщал, что он будет на юге Франции и хочет побывать и в Каркассоне.

Прочитав письмо, я понял возбуждение Марченко. Ведь станица состоит из казаков, работающих, главным

образом, на сельско - хозяйственных работах, где в горячее, страдное время праздников не бывает. Некоторые казаки в поисках работы переехали в другие департаменты, многие переменили место работы и еще не дали своих новых адресов. — Что если не соберутся казаки? — Нас засмеют русские казаки и их вдохновители.

Спасения станичного атаманы были основательны, но они не оправдались.

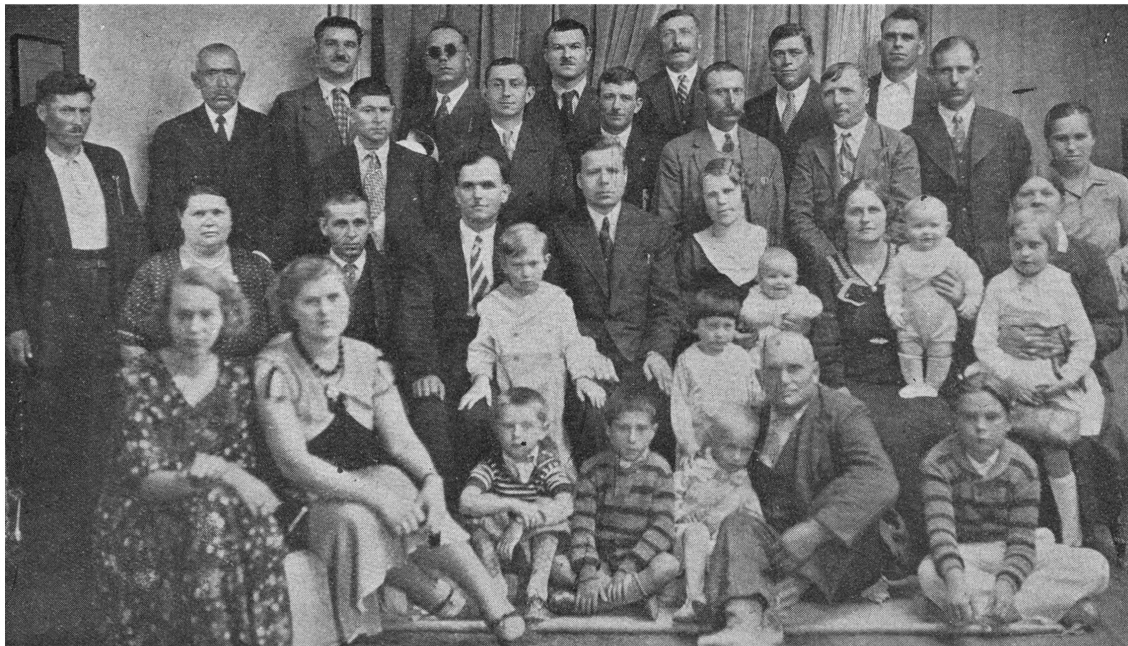
9 августа в назначенный час собрались не только казаки, состоящие в станице и те, которым было послано уведомление, но приехали и те, чьи адреса не были известны станичному правлению.

В 11 час. 15 мин. Походного Атамана при входе в комнату ресторана приветствовал и поднес хлеб - соль от имени станицы старейший казак станичник **Лазарь Арженовский**. Собравшиеся казаки приветствовали Атамана стоя. Хорунжий **Марченко** представил собравшимся Походного Атамана и дабы запечатлеть приезд его в нашу станицу, все мы отправились к фотографу.

По возвращении в ресторан, станичный атаман **И. И. Марченко**, открывая собрание, благодарит Походного Атамана от имени станицы за приезд в отдаленный от центра уголок, где тоже бьется казачье сердце и где так же казаки готовы на все жертвы для освобождения Родного Края и образования самостоятельного государства Казакии.

После этого Походный Атаман информировал собравшихся о положении в Европе, в Родных Краях и о ВК движении за границей.

По окончании этого информационного доклада при-

КАРКАССОНСКАЯ В. К. СТАНИЦА В ДЕНЬ ПРИЕЗДА ПОХОДНОГО АТАМАНА
(Вольные казаки и сочувствующие ВК идее с женами и детьми).

Стоят в первом ряду (слева направо): Т. Пегусов, И. С. Губин, С. Г. Перекрестов, П. П. Сусь, М. Иванов, Г. И. Меркешкин, В. Дечков, Я. Топилин, А. Аверьянов, И. Ф. Щербина, В. Кийков, Н. Москалев, Ф. Жуков и В. Г. Чукарин.

Сидят слева направо: М-м Степанова, И. В. Недорезов (пом. ст. атамана), ст. атаман И. И. Марченко, Походный Атаман И. А. Билый, м-м Марченко с 8-ми месячной дочкой, м-м Чукарин с 5-ти месячным сыном, м-м Иванова, м-м Арженовскова.

Сидят внизу: Ю. П. Щербина, А. С. Глига. Сидит в кругу детей Л. Л. Арженовков.

Молодые казачата: между ст. атаманом и Походным Атаманом Г. И. Глига, ниже его сидит И. И. Щербина, А. Т. Пегусова, дочь Арженовскова и П. Пегусова.

существующим было предложено задавать вопросы. Информация Походного Атамана дала ответ на все вопросы, которые волнуют сейчас вольных казаков. Но пришел и «русский казак» Топилин, изъяснивший желание задать вопрос Походному Атаману.

Однако вышло так, что вместо вопроса, Топилин стал доказывать происхождение казаков от русских и как на доказательство своих утверждений ссылается... на «карт д-идантите», в которой казаки значатся русскими. Недоволен он и тем, что организации существуют только для того, чтобы собирать пятаки...

Словом, начал нести такую околесицу, которую и понять трудно. Из его же слов выяснилось, что он, Топилин, недоволен, что вносит пять франков графу Граббе...

Что мог ответить ст. Топилину Походный Атаман? — Ответил, что мог, но убеждать такого противника отказался. Сам же ст. Топилин не раз подчеркивал, что он «слепой», но желания прозреть не выявлял никакого...

Было уже два часа. Нужно было подумать и об обеде. Станичный атаман распорядился накрыть столы, которые были расположены так, что каждый мог видеть гостя, мог говорить с ним.

Первый бокал станичный атаман поднял за здоровье Походного Атамана. Казаки ответили дружным «Ура!».

Походный Атаман поднял бокал за ВК. Пили дальше здравицу за мать — Атаманшу, за вольных казачек, за подрастающее поколение. Спели Кубанский и Донской гимны, последний под руководством Походного Атамана. Не обошлось и без танцев, закончившихся исполнением Василием Кийко лезгинки...

Время близится к четырем часам. Станичный атаман Марченко приглашает Походного Атамана к себе на квартиру отведать хлеба — соли, а главное — борща, который мастерски готовит его жена, предки которой до разорения Сичи были казаками...

В 10 ч. 40 мин. Походный Атаман, провожаемый группой казаков во главе с атаманом станицы Марченко, покинул Каркассон.

Приезд сюда Походного Атамана оставил глубокий след в сердцах казаков. Он укрепил веру в правоту нашего дела, усилил надежду на возвращение в свои Края, на просторы Кавказии...

Слава Походному Атаману! Слава Кавказчеству!

Сообщил: И. Губин.

ВК в Югославии

В КРАЛЬЕВО

Вольно-казачья имени Петра Кальнишевского станица в Кральево в день шестимесячной смерти казака — поэта **Ивана Михайловича Назарова**, решила отслужить панихиду и возложить венки из живых цветов на его могилу. Т. к. полугодие приходилось на будничные дни, рабочий, то мы, вольные казаки, решили отслужить панихиду в воскресенье, 9 августа.

ВК в лице покойного много потеряло, ибо И. М. всю свою жизнь посвятил Кавказчеству. Он был сотрудником журнала «ВК» и до конца своей жизни оставался верным своей идее. Он выбыл из рядов ВК, сам позвав смерть. Память о нем осталась среди казаков, а его дух заставляет казаков твердо идти по своему историческому пути. Слава ему и вечный покой!

За четыре дня перед панихидой мы оповестили соседние в. к. организации: Чуприйско — Парачинскую в. к. имени Булавина станицу, Крагуевацкую в. к. имени А.И. Кулабухова станицу, а так же был приглашен окружной атаман Н. Ф. Букин. Кроме этого, были приглашены: ген. Науменко, ген. Рытиков и семья покойного.

В субботу, 8-го августа, вечером поездом приехал в Кральево представитель Чуприйско — Парачинской в. к. станицы, помощник ст. атамана, **А. И. Павлов** со своей женой, который привез от имени своей станицы большой венок, сделанный казачьими руками из живых цветов и зелени.

В воскресенье утреним поездом приехал атаман

Крагуевацкой в. к. станицы **И. П. Билоус**, который был встречен на станице атаманом **Е. Кривец**, писарем **Г. Т. Абрамцом** и **А. Павловым**. Ожидали еще представителей и из района г. Скопье, которые тоже были приглашены, но т. к. в том направлении на линии железной дороги произошел обвал и сообщение приостановилось, то так никто и не приехал.

Закусив у атамана, приезжие пошли осматривать город, а мы занялись подготовкой к возложению венка. Ждали мы и окружного атамана, но от него пришло письмо, из которого видно было, что он не придет, т. к. неотложные дела не позволяют ему отлучиться из Белграда. Очень жалели все вольные казаки, что так вышло.

После обеда вольные казаки начали собираться в назначенное место. Некоторые казаки, ген. Науменко, ген. Рытиков и семья И. М. с протоиереем пошли прямо на могилу И. М. Назарова.

В пять часов собравшиеся вольные казаки тронулись на могилу, неся впереди два венка — один от Крагуевацкой станицы, а другой от Чуприйско — Парачинской. Шли по главной улице. Местные жители провожают одобрительными взглядами казаков, выражая похвалу, что казаки не забывают своих умерших братьев.

По прибытии на кладбище, была отслужена панихида, после чего станичный атаман должен был прочитать биографию И. М. Назарова, заготовленную заблаговременно. Но, неожиданно, ген. **Рытиков** начал читать эту же самую биографию, так что станичному атаману не пришлось читать, хотя сбор и возложил на него это.

После этого, при возложении венка от Чуприйско — Парачинской в. к. станицы говорил представитель названной станицы **А. И. Павлов**, который сказал:

«Дорогие станичники, мы сегодня собрались почтить память нашего поэта, природного казака патриота, войскового старшины И. М. Назарова. Мне выпала честь присутствовать на этом траурном празднике и представлять Чуприйско — Парачинскую станицу и засвидетельствовать труды покойного, положенные им при жизни на благо Кавказчества. Пусть тебе, Иван Михайлович, будет легка братская земля, дорогой наш бессмертный поэт. Да будет тебе вечная память»...

После речи ст. Павлова, слово взял станичник **Билоус**, который говорил о политической работе покойного в ВК движении.

С кладбища все присутствующие были приглашены на квартиру ст. Абрамцова, где был приготовлен скромный поминальный обед, но ген. Науменко, ген. Рытиков, войск. стар. Маслов (атаман «русских казаков»), его помощник Д. Нестеренко, староста русского сокола Бородин (казак) и протоиереи прямо с кладбища ушли по домам.

Отведать обеда пошли только вольные казаки и семья покойного.

Когда все сели за стол, станичный атаман **Е. Кривец** попросил ст. **В. Захарова** прочитать статью И. Билого из журнала «ВК», написанную по случаю смерти И. М. Назарова. Статья была прослушана с исключительным вниманием.

После этого атаман **Е. Кривец**, обращаясь к приехавшим на панихиду представителям других станиц, благодарит их за оказанное внимание к памяти покойного.

Ст. **Павлов** говорил о том, какие трудности переживали наши предки и что это повторилось, т. к. и мы тоже переживаем в течении многих лет тяготы эмигрантской жизни...

Ст. **Билоус** говорил о ВК и подчеркивал то, что идея ВК всем казакам приходится по сердцу, но заметно, что многие заняли выжидательное положение. Причины этому могут быть самые разнообразные. Из присутствовавших не вольных казаков никто все же не задал никаких вопросов и ничего не сказал по затронутому вопросу.

Так в разговорах летело время. Уже около полуно-

чи проводили на поезд приезжавших представителей и гостей.

Так Кральевская в. к. имени Петра Кальнишевско-го станица отметила день трагической кончины И. М. Назарова. Пусть ему будет легка югославянская братская земля. Царство ему небесное, а здоровым дай Бог скорее дожидаться счастливого часа возвращения в Родные Края, к своим семьям и родным.

Слава Казачеству!

Сообщил: Е. Кривец.

ВК в Болгарии

† Я. И. ЕРМОЛАЕВ.

11 августа с. г. в городе В. Търново, в Болгарии, скончался (от туберкулеза) казак ст. Лабинской, К.К.В. **Яков Иванович Ермолаев**, 39 лет от роду.

Покойный был в свое время инициаторов создания ВК организации в Тырново.

Мир праху твоему, дорогой станичник!

С. А. Гринкин.

Хроника международных событий

Внимание европейского политического мира по-прежнему обращено к Испании, где продолжают ожесточенные бои двух лагерей — испанских националистов и испанских и не испанских красных.

Взяв Ирун и Сан —, Себастьян, повстанцы одержали тем значительный успех еще и тем, что прервали сообщение красных с Францией. Генералы Франко и Мола готовят наступление на Мадрид с севера и юга.

В самом Мадриде пришло к власти новое правительство, еще более левое: социалистическо — коммунистическое, возглавляющееся «испанским Лениным» — Ларго Кабаллеро.

Глава правительства повстанцев ген. Кабанеллас отправил такое послание германскому народу: «...Никогда Испания, что бы ни произошло, не забудет дружеской симпатии и моральной помощи Германии в этой борьбе против разрушительного духа анархии и коммунизма. Сознавая свою историческую миссию, Германия сразу поняла, что означают наши усилия против атаки коммунизма и марксизма»...

— Большим событием в Европе был германский национал — социалистический конгресс в Нюрнберге, открывшийся там 9-го сентября.

Открывая конгресс, Рудольф Гесс (заместитель фюрера) речь свою почти целиком посвятил коммунистической опасности в Европе. «Мы не переставали, — сказал он, — обращать внимание мира на большевистскую опасность. Но, вместо того чтобы прислушиваться к нашим предостережениям, некоторые государства считают полезным флиртовать с коммунизмом. Результаты мы видим в Испании... **Цивилизованные народы должны объединиться для борьбы с красной опасностью...** Нынешний конгресс наш пройдет под лозунгом **национал — социалисты против большевизма. Германия считает себя первым анти — большевистским фактором...** Начиная анти — коммунистическую кампанию, мы сознаем себя истинными защитниками мира»...

Сам канцлер Гитлер в своей речи подчеркнул: «Миллионы и миллионы восстанут против старого противника, наследственного врага человечества. Мы не допустим, чтобы наше дело было погублено большевиками, т. е. международным еврейством. Мы знаем, что нам делать»...

Одному французскому журналисту он же сказал: «Мы, германские националисты, считаем себя лучшими европейцами и, если нужно будет начать войну с большевизмом, мы это сделаем, чтобы спасти цивилизацию Европы».

Новый германский посол в Лондоне фон — Риббентроп в беседе с одним английским журналистом заявил: «Германия не хочет войны. И внешняя и внутренняя наша политика диктуется желанием мира. Но если бы Германия и начала войну, то не с империалистическими целями и не для завоевания иностранной территории. Нет, война в которой примет участие Германия, будет войной за и против идей»...

— В большой заключительной своей речи на конгрессе канцлер Гитлер сказал: «Нам все равно, любят ли нас западные демократии, или нет... Нас несколько не удивляет нелюбовь к нам демократических государств. Не скрою, что и мы их не любим, а в скобках замечу, что **демократия есть форма правления, которая не создает прочного государства.** Но есть одна звериная доктрина, агрессивная и бессмысленная, особенно ненавидящая национал — социализм. Еще до прихода национал —

социализма к власти, советский союз пытался отравить Германию, совершенно так же, как сейчас он старается приблизить к нам разрушительные силы большевизма... Московские евреи хотели бы перенести испанскую катастрофу в Германию. Вот почему мы вынуждены заявить: **большевизм — вот смертельный враг...**

.. Европа давно уже разбита на два лагеря..

.. Некоторые правительства «Народного Фронта» полагают, что против коммунизма можно защищаться, обходясь с ним ласково. Мы знаем этих демократов, не способных принять решения..

... Я не имею никакой нужды бросать армию в военные авантюры. Но, обеспечив мир внутри Германии, я не могу предоставить мир внешний делу случая..

Если бы я был ничтожным человеком, как уверяют многие из моих противников, я бы удовлетворился сознанием, что большевизм только ослабляет другие государства..

Европа может впасть в кровавое варварство. Но я не из тех, кто готов закрыть глаза перед этой опасностью. Я не скрываю: **национал — социализм стремится к полному уничтожению коммунизма...**

— Германско — советские отношения портятся все больше. Один английский журналист написал недавно из Москвы, что отношения между Германией и сов. Россией давно уже «перестали быть дипломатическими».

Москва ведет горячую кампанию за помощь испанским красным. Еще более горячую кампанию ведет она против «фашизма» и особенно против немецкого национал — социализма.

— Недавно вернувшийся из Москвы генеральный секретарь конгресса английских рабочих организаций Вальтер Ситрин сказал: «**Жизнь советской России во многих областях проходит под влиянием боязни войны.** В Москве полагают, что война придет со стороны Германии... Вот почему советская Россия усиливает вооружения»...

— Подготовкой к войне, очевидно, можно объяснить и недавние большие маневры красной армии в Белоруссии.

— Показательная статья появилась 13-го сентября в официозе австрийского правительства «Рейхспост». Бывший австрийский канцлер Штрервиц пишет: «Страны порядка должны, в интересах самосохранения, примкнуть, если будет нужно, к антисоветскому фронту. Не нужно для этого заключать блоков и союзов. Германия, Италия, Швейцария, Австрия и Венгрия уже определили свою позицию. Необходимо добиться соглашения между Францией и Германией, к которому примкнули бы малые союзные государства, и тогда прекратилась бы взаимная гонка за вооружениями и финансовая разруха»...

— В ответ на введение двухлетнего срока службы в германской армии французское правительство ассигновало весьма большие средства на усиление вооружения своей армии. Поставлен вопрос и о сооружении второй линии Мажино, т. е. второй укрепленной линии, параллельной восточным границам.

— В конце прошлого августа в Париж приезжал директор германского государственного банка д-р Шахт. Официально приезд этот был его ответным визитом директору Французского банка, но ни для кого не было секретом, что, наряду с вопросами финансовыми и экономическими, в состоявшихся беседах и встречах затра-

гивались и вопросы политические, касающиеся франко - германских взаимоотношений. О результатах поездки можно судить по таким стезьям печати:

«Директор рейхбанка опроверг газетные слухи, будто он требовал у французского правительства расторжения пакта с СССР. Он только указал на **опасность коммунистической пропаганды**... «Вопрос о франко - советском пакте д-р Шахт в переговорах с французскими официальными лицами не поднимал. Он только в общей форме указывал на **опасность большевистской пропаганды**, причиняющей вред не только политического, но и экономического порядка»... — «Переговоры, которые д-р Шахт имел в Париже, убедили его в безнадежности попыток вбить клин между Францией и СССР»..

То же самое подтверждают и пражские газеты: **«Франция не откажется от пакта с Советами»**...

— В августе начальник французского генерального штаба ген. Гамлен ездил на маневры польской армии. В сентябре глава вооруженных сил польской республики ген. Рыдзь - Смиглый приезжал на маневры французской армии. По сведениям пражской газеты «Народни Политика», **ген. Гамлен не добился согласия Польши на пропуск красной армии в Чехословакию.**

— На обратном пути из Франции генерал Рыдзь - Смиглый посетил Италию, где (в Венеции) имел беседы с представителями итальянского министерства иностранных дел. По поводу этого его «жеста» в пражской газете «Народни Политика» 13 сентября помещена корреспонденция из Лондона, из которой узнаем, что посещение польским вождем Италии (без предупреждения о том Франции) вызвало во Франции тревогу и разочарование.

Там же есть такое место: «Решение СССР стать на путь русской великодержавной внешней политики, на которую влияют теперь не Литвинов, а Ворошилов и Тухачевский — ближайшие и наиболее влиятельные после Сталина люди в России, создало тяжелую международную ситуацию, а его (СССР) соглашение с Англией, разочаровавшее прежде всего немцев, является главной причиной перемены тактики Гитлера и Муссолини, включая и их союзников».

Кончается эта корреспонденция так: ..«Развитие европейских событий идет к двум блокам — с одной сто-

роны, к блоку во главе с Германией, а с другой — к блоку во главе с СССР».

— Начинают улучшаться польско - румынские отношения.

В газетах появились известия о предстоящей поездке в Варшаву начальника румынского генерального штаба ген. Самсоновича.

— В самой Румынии произошла перемена правительства. В новое правительство не вошел бывший министр иностранных дел Титулеско. Оценивая это событие, пражская газета «Народни Политика» (2-го сентября) пишет, что эта перемена на посту министра иностранных дел означает поворот румынской политики в сторону Польши, в то время как политика Титулеско на первом месте ставила сотрудничество Румынии с Москвой.

— Совсем недавно бельгийский премьер - министр ван - Зееланд в речи своей, сказанной в парламентской комиссии по внутренним делам, еще раз заявил, что в области внешней политики бельгийское правительство никогда не будет считать войну необходимой или неизбежной и не подчинит своей политики каким либо блокам. — Это, очевидно, значит, что если бельгийские интересы непосредственно затронуты не будут, Бельгия воевать только из «солидарности» к кому бы то ни было — не будет.

— Во Франции началась новая волна забастовок. Как и прошлый раз, рабочие «оккупируют» фабрики и заводы.

11-го сентября в «Последних Новостях» напечатано такое сообщение из Берлина (приводим из него две выдержки):

Заканчивается регистрация русских беженцев в Германии, производимая, согласно желанию германских властей, управлением делами российской эмиграции, т. е. канцелярией ген. Бискупского.. Регистрации подлежат все бывшие российские подданные, ныне бесподанные. **Исключение сделано для сепаратистов - самостийников**, не признающих себя российскими бесподанными эмигрантами».

У наших соседей

С'ЕЗД АЗЕРБЕЙДЖАНСКОЙ ПАРТИИ «МУСАВАТ»

В конце июля сего года состоялся с'езд Национальной Азербейджанской Народной Партии «Мусават».

С'езд, выслушав доклад лидера партии М. Эмин бей Расул - Заде, солидаризовался с генеральной линией партии, выражающейся в непримиримой борьбе за восстановление независимости Аз. Республики с оккупационной властью большевиков; в защите идеи Кавказской Конфедерации и в союзе со всеми поработанными Российскими империализмом народами, борющимися за свое освобождение.

С'езд выработал новую партийную платформу. Идея Кавказской Конфедерации определенным пунктом вошла в систему политических требований партии.

Партия признает частную собственность, свободу торговли; одновременно признает за государством право, в интересах общества, вмешиваться в борьбу различных групп населения и регулировать экономические взаимоотношения. Классовая борьба, как социальная система, партий отрицается; признается принцип национального единства и общественной солидарности.

Крестьяне получают землю в собственность. Государство поддерживает земледельческий труд и мелкую промышленность. Рабочие принимают участие в прибыли предприятий и заинтересовываются в экономическом и техническом управлении ими. Труд защищается законом, как в передовых странах Европы.

В тезисах, принятых по тактическим вопросам, международное положение рассматривается тревожным. Мы вступили как-бы в предвоенную полосу. Возможен мировой конфликт между всеразрушающим коммунизмом и здоровым национально - патриотическим началом. Со-

веты будут ареною возможной войны, к которой готовятся и которую провоцируют.

Симпатии партии, естественно, будут на стороне противников Советского Союза. Враг моего врага является моим другом. Задача партии — использовать момент. Раскрыть фальшь русско - большевистской власти, популяризовать азербейджанский вопрос во всем мире, исходить из общности интересов Кавказских народов, поддержать союз со всеми народами, борющимися против русского империализма.

В вопросах - же внутренней политики, разоблачая советскую демагогию, — раз'яснить массам лицемерие советских реформ; требовать выхода Азербейджана из Советского Союза; тюркизацию государственных учреждений, армии и школ. Борьбаться против руссификации языка, раздробления Азербейджана на мелкие искусственно - выращенные «нации» и колонизации страны путем иммиграции из России; протестовать против экономической эксплуатации Азербейджана, требуя хозяйственной самостоятельности.

Год созыва с'езда совпал с 25-летием учреждения партии. Решено отметить этот факт целыми мероприятиями. Учрежден юбилейный значек. Решено издать партийную историю и почтить память пионеров партии.

Составлен центральный партийный орган под названием — Диван.

С'езд обратился к народу с призывом к дальнейшей борьбе и приветствием всем самоотверженным борцам, высоко держащим знамя борьбы за высокие идеалы Азерб. Народа, которым служит и партия.

(Соб. кор.).

Страничка прошлого

В «Последних Новостях» печатаются воспоминания А. И. Гучкова (бывшего первого военного министра Временного правительства). В номере от 16-го сего сентября есть кое-что и о казаках. Это кое-что мы считаем бесполезным привести ниже — к сведению некоторых наших теперешних противников из казаков. Читая этот отрывок, надо иметь в виду, конечно, что покойный А. И. Гучков, как русский патриот, подходил и к казакам только с точки зрения русских интересов. Если он и «болеет» иногда за казаков, то не потому, что они интересовали его сами по себе, а потому, что боялся, чтобы они не оказались в свое время «плохими русскими патриотами»... Не был г. Гучков и просто знатоком казачьего вопроса.

Вот этот отрывок:

«В мои студенческие годы казаки считались оплотом самодержавия. Их посылали на усмирение всяких бунтов, они разгоняли всякие уличные демонстрации и т. п. А в Государственной Думе представители казачества оказались на левых скамьях, — среди кадетов и прогрессистов. Это меня поразило. Почему так вышло?

Когда я познакомился с казачьими делами, я убедился, что есть к тому основание. **Отношение к казачьим вольностям, к казачьим интересам в Петербурге было своекорыстное. Казачьи области считались местами для кормления людей, делавших карьеру. И вот плохое управление казачьими областями и пренебрежение казачьими интересами вызвали недовольство и революционные настроения...**

Вспоминается мне 1910 год. У власти Столыпин и, как будто, все благополучно... Приезжает в Петербург депутация от Кубанского казачьего Войска представляться государю. Привезли, как полагается, ему подарки. Все люди почтенные, пожилые, атаманы... Приехали с разными местными нуждами, обходили разные министерства, хлопотали. Зашли и ко мне, как к председателю комиссии государственной обороны. Я спрашиваю у них: «Были у государя?». — «Ах, говорят, Александр Иванович, лучше бы и не рассказывать... Сошло так, что хуже и не может быть: вышел к нам государь. Один из нас произнес слово. А государь обошел всех нас, спросил каждого из нас — из какой, мол, станицы, а потом поклонился и ушел»...

Приехали эти почтенные люди за две тысячи верст со своими нуждами и просьбами. Можно было показать

им хоть какое-нибудь человеческое участие. А их спрашивают — «Из какой станицы?» и отпускают. Этот бессмысленный вопрос о станицах их особенно возмущал.

— Ну, а у Сухомлинова были?

— Были, — смеются, — это еще хуже вышло. Он спросил тоже каждого из нас: из какой мы станицы и сколько в станице жителей. Даже мозгами не пошевелил, чтобы казачьи интересы затронуть...

В то время я еще пытался строить мосты от старой России к новой, и думаю: так их нельзя отпускать. Ведь их дома спросят: — «Как наши вопросы?». Что же они ответят? Ответы этих почтенных атаманов подействуют хуже эс-эровской агитации... И я решил их послать к Столыпину, а сам предварительно к нему заехал и, объяснив ему создавшееся положение, просил их принять. На следующий день они были у Столыпина и от него прямо приехали ко мне. «Ну, говорят, это совсем другой человек. Посадил нас, говорил с нами о разных казачьих нуждах». Словом, Столыпин отнесся к ним по-человечески. После этой беседы один из них и говорит мне: «Вот как мы у государя побывали, наши здешние станичники нас к себе на обед пригласили. Целый пир устроили. Ну и чего я только там не слышался... Эх, Александр Иванович, если на них полагаться будут, могут ошибиться»...

А эти их «станичники» служили в конвое его величества. Эти конвойцы стоят у дверей царских гостиных, делают глупые лица, как будто ничего не видят, и, возвратившись в казармы, распускают языки, начинают разговоры о царе, царице, о придворных сплетнях, о Распутине... И неумудрено, что на второй день революции, еще до отречения государя, когда я зашел в Думу в комнату президиума образовавшегося думского комитета, то слышу — докладывают Родзянко, что явилась депутация из Петергофа. А затем входят 25 казаков конвоя е. и. в., несколько чинов Сводного гвардейского полка, представители дворцовой полиции и чины первого жел. дор. батальона. Докладывают, что уполномочены заявить о преданности этих частей новой власти. Когда они это говорили, я вспомнил мои беседы с казачьими атаманами в 1910 году...

— Комментарий к этому рассказу предоставляется делать каждому по своему.

В Родных Краях

24 - 28 августа в Ростове состоялись «всесоюзные конно - спортивные состязания». Как пишет «Молот» 5 сентября, «14 краев и республик демонстрировали на Ростовском ипподроме высокое искусство конного спорта и умение владеть оружием». В состязаниях этих принимали участие и «советские казаки». Донцы и кубанцы заняли в них первое место.

Приводим некоторые выдержки из «оценочного» отчета о состязаниях («Молот», 5 сент.):

«Эта крупная и почетная победа явилась результатом того большого под'ема, которым охвачены все основные казачьи районы нашего края... Победа свидетельствует также о несомненном и большом под'еме коневодства в районах края. Можно смело заявить, что по конскому составу, представленному на ипподроме, его качеству, резвости и спортивным достоинствам, Азово - Черноморье не имело соперников»...

— Это одна сторона отчета. Но есть и другая, где написано:

«Вместе с тем, судейская комиссия отметила целый

ряд недостатков и, в частности, относящихся к азово-черноморцам. Главные из них — это **недостаточная подготовка конского состава к отдельным видам испытаний, недочеты седловки, разнотипность посадки и недостаточность отделки, отшлифовки некоторых номеров, слабая культура их...**

— Наш вопрос: если при таких недочетах казаки заняли первое место на состязаниях с 13-ю другими «краями и республиками», то каковы же недочеты и недостатки были у сих последних?

Подводя итоги, «М» предлагает: «вопросами укрепления клубов ворошиловских кавалеристов надо заняться немедленно на основе опыта и итогов всесоюзных состязаний. Придется, видимо, пересмотреть и внести поправки в программы их обучения»...

— Мы глубоко верим, что скоро казаки сами пересмотрят все программы своего обучения...

Долой оккупантов!

Да здравствует Казакция!

Слава Казачеству!

ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ В РУМЫНИИ:

ПОДПИСНЫЕ ДЕНЬГИ ЗА ЖУРНАЛ «ВК» ПЕРЕСЫЛАТЬ ОКРУЖНОМУ АТАМАНУ С. М. МАРГУШИНУ

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кр.	80 кр.	5 кр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. 1. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)